

НОВЫЙ ГОДЪ.
МАСЛЯНИЦА.
и
Рождество
ХРИСТОВА.
ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

НОВЫЙ ГОДЪ,

МАСЛЯНИЦА И РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

НОВЫЙ ГОДЪ,

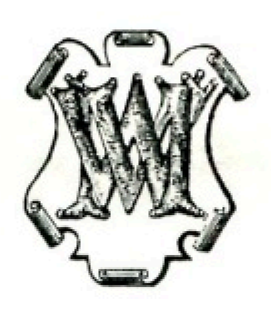
МАСЛЯНИЦА

И

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Л. Ярцовой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

въ Гостинномъ Дворѣ №№ 18 и 19.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 6-го мая 1860 года.
Цензоръ *П. Дубровскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

НОВЫЙ ГОДЪ.

НѢКОТОРЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ.

Что такое старый и новый годъ? Не одно ли и тоже время продолжается безконечно, какъ неизмѣримый кругъ, которому нѣтъ ни конца, ни начала. — Отчего произошло названіе новаго года? Зачѣмъ празднуютъ начало его, именно въ этотъ день, а не въ другой? — Отчего, наканунѣ перваго января съ какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ смотрятъ на часы и слѣдуютъ за движеніемъ стрѣлки, приближающейся къ полуночи? — Что это за странное, непонятное обыкновеніе? — Много задали мы себѣ вопросовъ, попробуемъ отвѣчать на нихъ.

Часть времени, составленная изъ 12 мѣсяцевъ, названа годомъ, потому-что астрономы замѣтили,

что земля наша, обращаясь около солнца, въ теченіи этихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, приходитъ опять на то же мѣсто, съ котораго начала свое безпрерывное круговращеніе съ той минуты, когда изрекъ Господь Богъ: «Да соберется вода, яже подъ небе«семъ, въ собраніе едино и да явится суша, и на«рече Богъ сушу землею.» (Книга бытія гл. 1, ст. 9. 10.) Тогда образовалась планета, названная землею, потекла въ предназначенный ей путь, всемогущимъ мановеніемъ, обращаясь на своей оси, и тѣмъ раздѣлила времена и годы. Такъ произошли: весна, лѣто, осень и зима, а всѣ они вмѣстѣ составили годъ!

Впослѣдствіи люди стали отличать старый и новый годъ, а потомъ и праздновать полночь: окончаніе стараго и начало новаго года.

Хотя можно сказать, что каждое семейство и каждый человѣкъ исполняетъ этотъ праздникъ по своему; но свойственныя всѣмъ тревожныя ожиданія полночнаго часа, въ этотъ день, происходятъ именно отъ того, что мы, жители земли, подобны людямъ странствующимъ по неизвѣстной странѣ; они ходятъ, а мы живемъ въ совершенномъ незнаніи, что будетъ съ нами впередъ. Какъ они, не имѣя провожатаго, не знаютъ, что ихъ ожидаетъ вдали: пойдетъ ли дорога лучше, или хуже прежней?, встрѣтятъ ли ихъ каменные утесы, темные лѣса, безплодныя степи, или тѣнистыя равнины, осѣненныя плодовитыми деревьями и украшенныя цвѣтами?, — точно такъ и мы, странники жизни на землѣ, не знаемъ что насъ ожидаетъ въ будущемъ: радость или горе?, богатство или бѣдность?, счастіе или несчастіе? И вотъ именно отъчего происходитъ этотъ невольный трепетъ, при началѣ новаго года. Какъ и всегда, ожиданіе неизвѣстнаго сильно тревожитъ наше воображеніе, и это-то и есть первое доказательство непрочности жизни нашей, которая даже и по словамъ однаго изъ Апостоловъ: «Не на долго является, какъ паръ, и потомъ исчезаетъ!» (Соб. посл. Іакова, гл. 4, ст. 14).

Но если подумать хорошенько, то каждый день можно называть новымъ годомъ; напримѣръ, если кто родился въ такое-то число, то на будущій годъ, въ это же самое число наступитъ для него новый годъ, въ какой бы день и мѣсяцъ это ни случилось; слѣдовательно это было условное и такое счисленіе новаго года, положимъ хоть съ перваго января, до того же числа будущаго года, приходилось бы всегда, изъ дня въ день, очень вѣрно, если бы года состояли ровно изъ 365 дней, но какъ причисляется къ нимъ еще 5 часовъ, 48 минутъ и 47 секундъ, то и выходитъ, что черезъ три года, составляется изъ нихъ цѣлый день, и этотъ лишній день согласились астрономы причислять къ четвер-

тому году, почему онъ и считается уже въ 366 дней и называется *високоснымъ* *).

Народное повѣрье, не понимая, отъ чего происходятъ високосные года, приписываетъ имъ разныя несчастія: неурожай хлѣба, болѣзни, войну и тому подобное; разумѣется, это мнѣніе невѣжества, и потому, конечно, благовоспитаннымъ людямъ не должно страшиться *високоснаго года*, совершенно такого же, какъ и предшествующія ему простыя три лѣта, а напротивъ смѣяться надъ такимъ предразсудкомъ, отвергая его, какъ пустое и глупое суевѣріе.

У насъ въ Россіи, до Петра Великаго, новый годъ считался съ перваго сентября, какъ и теперь считается онъ, въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Это было взято съ Библіи; въ Книгахъ Моисеевыхъ было сказано Богомъ народу израильскому, чтобы праздновали новое лѣто съ сентября, какъ седьмаго мѣсяца, послѣ марта, въ которомъ былъ сотворенъ

*) Это названіе произошло отъ латинскаго слова bissexte, т. е. два раза шестой; для того, что Римляне прилагали тотъ лишній день, между послѣдними числами февраля и первымъ марта, которое называлось у нихъ шестою календою марсовой, и потому выходитъ, что въ високосный годъ была не одна, а двѣ шестыя календы.

Этотъ лишній день называютъ еще *интеркаллярусъ*, т. е. внутрь вложенный, или помѣщенный между двухъ дней.

міръ. Это празднованіе относилось къ тому же и было сначала въ томъ же смыслѣ, какъ и повелѣніе Божіе, о седьмомъ днѣ въ недѣлѣ, теперешнемъ нашемъ воскресеньи: «Шесть дней дѣлай, а седьмой Господу Богу твоему!»

Между тѣмъ лѣтосчисленіе, установленное Юліемъ Кесаремъ или Цезаремъ, римскимъ императоромъ, за 45 лѣтъ до Р. Х., было принято западными христіанами. Царь нашъ Петръ Великій, желая какъ можно болѣе соединить насъ съ Европою, отдалъ повелѣніе ввести и у насъ лѣтосчисленіе съ 1-го января или генваря.

Въ теченіи времени, астрономы замѣтили, что отъ лишняго дня, причисляющагося ко всякому високосному году, равноденствія перешли на другія числа, и потому лѣтосчисленіе Юлія Кесаря отдалилось на 10 дней *). Вся Европа, принявъ въ

*) Такъ въ 1582 году, весеннее равноденствіе было 11-го марта, между тѣмъ какъ во время Никейскаго собора оно было 21-го марта. — Папа Григорій XIII рѣшился, по совѣту ученыхъ, возвратить весеннее равноденствіе на 21-е марта и для того повелѣлъ всѣмъ, которые признавали его власть, вдругъ убавить изъ календаря десять дней, и вмѣсто пятаго октября 1582 года считать 15 октября; такъ что весеннее равноденствіе 1583 года уже было опять 21 марта. — Это счисленіе называется *григоріанскимъ счисленіемъ* или *новымъ стилемъ*. Нынѣ принятъ онъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, кромѣ Россіи и христіанъ греческаго исповѣданія, которые употребляютъ *лѣтосчис-*

уваженіе исчисленіе астрономовъ, перевела числа своихъ календарей черезъ эти 10 сутокъ, мы же остались по прежнему, и отъ того впослѣдствіи разница вышла уже въ 12 дняхъ; такимъ образомъ, когда у насъ 1-е января, то у нихъ уже 12, а когда у насъ 12, то у нихъ 24, что и называютъ *старымъ и новымъ стилемъ*, и такъ идетъ круглый годъ.

Итакъ, самое первое счисленіе было съ 1-го марта; второе съ 1-го сентября; третье же съ 1-го января. Слѣдовательно вотъ уже сколько было разныхъ началъ новаго года!

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ Европѣ и у насъ въ Россіи, въ ожиданіи полуночи, сколько приготовленій, сколько возбуждается новыхъ желаній и надеждъ передъ этимъ днемъ! — Празднуютъ его всѣ, но какъ различно празднуютъ!..

Заглянемъ въ разные дома и подумаемъ хорошенько, а послѣ рѣшимъ кто лучше всѣхъ, кто дѣльнѣе и полезнѣе встрѣчаетъ первый часъ начинающагося новаго года?

леніе Іуліанское, или *старый стиль*, и отъ того у насъ теперь равноденствіе бываетъ 9 марта. Прежде разница была въ десяти дняхъ, потомъ въ одиннадцати, а теперь съ 1800 года, новый стиль впереди стараго 12 днями. (Астрономія Зеленаго V лекція, 84 стр.)

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА

НОВАГО ГОДА.

БАЛЪ.

Пойдемте, юные друзья мои, по какой нибудь улицѣ обширной столицы нашей; зайдемъ невидимками, то есть однимъ воображеніемъ, въ разные дома: каменные, деревянные, большіе и маленькіе, бѣдные и богатые. Вотъ передъ нами огромный домъ, съ цѣльными большими стеклами въ окнахъ, съ великолѣпнымъ подъѣздомъ; по всему видно, что жители его должны быть, или важные, или очень богатые люди, а можетъ быть то и другое. Сегодня послѣдній день стараго года, и уже пробило десять часовъ; войдемте въ этотъ великолѣпный домъ, вѣрно тамъ очень весело!

Вотъ нарядный швейцаръ отворилъ намъ стеклянную дверь; передъ глазами нашими парадная лѣст-

ница, устланная ковромъ и украшенная тропическими растеніями, съ пріятной для глазъ зеленью, особливо 31 декабря, когда у насъ на сѣверѣ трещитъ морозъ и снѣгъ покрываетъ все холодной своей пеленою.—Но здѣсь, какое восхитительное тепло! какое благоуханіе разносится въ воздухѣ изъ курильницъ, поставленныхъ на пьедесталѣ каждаго бюста, украшающаго лѣстницу, похоже на то какъ бы во времена идолопоклонства происходило воскуреніе ѳиміама передъ истуканами: Марса, Юпитера, Венеры и проч., но только здѣсь бюсты представляютъ не мнимыхъ боговъ древности, нѣмыхъ и глухихъ, а мудрецовъ древняго и новаго міра, напримѣръ: Сократа, Платона, Эпикура, Сенеку, а рядомъ съ ними нѣкоторыхъ болѣе современныхъ, преимущественно французскихъ ученыхъ писателей. Впрочемъ по истинѣ, такія изваянія приличнѣе бы было имѣть въ кабинетѣ, а не въ сѣняхъ или вестибюлѣ.

Побѣжимте скорѣе на верхъ, друзья мои, по разостланному ковру, мягкому какъ бархатъ; широкія, низенькія ступени этой лѣстницы, дѣлаютъ всходъ ея очень удобнымъ. Мы достигли передней аванзалы; здѣсь встрѣчаетъ насъ ожидающая приказаній многочисленная прислуга въ красивыхъ ливрейныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ галстухахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Но зачѣмъ же намъ медлить здѣсь? Намъ и того не нужно, чтобъ объ насъ докладывали, кто мы такіе.—Итакъ побѣдимъ нашу застѣнчивость, войдемъ въ незнакомое общество.

Вотъ огромная зала, освѣщенная множествомъ свѣчъ въ люстрахъ и канделябрахъ, украшенная, по угламъ, деревьями и цвѣтами, наполненная пріятнымъ теплымъ воздухомъ, дышущимъ ароматами. Множество зеркалъ, отражая люстры и канделябры, умножаютъ свѣтъ этой обширной комнаты, которой паркетный полъ такъ гладокъ, что кажется можно ошибиться и подумать, что ходишь по зеркаламъ, не только на стѣнахъ развѣшеннымъ, но и положеннымъ подъ ногами.

Проскользнемъ будто по льду, друзья мои, въ другую комнату. Вотъ тутъ уже великолѣпіе! Какія мебели, какіе диваны, какіе столы и мраморныя комнаты! Здѣсь уже нѣтъ паркета, но за то, ноги тонутъ въ мягкомъ, пушистомъ коврѣ, разостланномъ отъ стѣны до стѣны, и кажется, будто подъ ноги наши брошены вѣники, букеты изъ самой привлекатель- ой зелени и пышныхъ цвѣтовъ, даже плодовъ всякаго ода, разбросанныхъ по мѣстамъ, такъ что боишься наступить на цѣлую кисть спѣлаго винограда, на персикъ и на колючій ананасъ: такъ искусно и живо все это выткано, на разостланномъ прекрасномъ коврѣ!

Войдемте же съ должной учтивостію, чинно и важно, съ привѣтливой улыбкой, какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ.—Здѣсь мы не одни!—Эта великолѣпная горница есть гостиная, и множество нарядныхъ дамъ и кавалеровъ съ орденами и безъ орденовъ сидятъ на бархатныхъ креслахъ и диванахъ.

Какой шумъ, говоръ; какія любезности сыплются со всѣхъ сторонъ! Очаровательно и прекрасно!

Но о чемъ разговариваютъ всѣ эти люди, собранные вмѣстѣ? Къ чему клонится общая предупредительность? Какая польза выйдетъ изъ такой встрѣчи новаго года? Посмотримъ, послушаемъ и рѣшимъ безпристрастно! Шумное разставанье съ старымъ годомъ, кажется, обозначаетъ, что всѣ эти люди провели прошедшее лѣто въ свѣтской жизни, въ праздникахъ и удовольствіяхъ.

Неумолкаемый говоръ разносился повсюду, сдерживаемый, такъ называемымъ, свѣтскимъ приличіемъ. О чемъ толкуютъ эти люди? Для чего спѣшитъ каждый подать свой голосъ, объяснить свое мнѣніе, выказать свой умъ? Можетъ быть они говорятъ о чемъ нибудь дѣльномъ и важномъ? Нѣтъ! ничего подобнаго мы не слышимъ; здѣсь идутъ рѣчи преимущественно какъ въ бóльшей части многолюдныхъ обществъ; здѣсь не можетъ быть искренности, а гдѣ нѣтъ искренности, тамъ дѣльнаго разговора быть не можетъ: таковъ свѣтъ! Тутъ нечего занять, нечему научиться, переливаютъ все изъ пустаго въ порожнее, какъ говоритъ пословица. Женщины ведутъ неистощимый разговоръ о шляпкахъ, чепчикахъ и вообще о послѣднихъ модахъ; мужчины о картахъ, лошадяхъ, собакахъ или о своемъ повышеніи; а что еще всего хуже, между всѣмъ этимъ не рѣдко проскакиваетъ и злословіе, колкія насмѣшки и осужденія. Но говоръ перемежился, все утихло, всѣ какъ будто ожидаютъ чего-то?

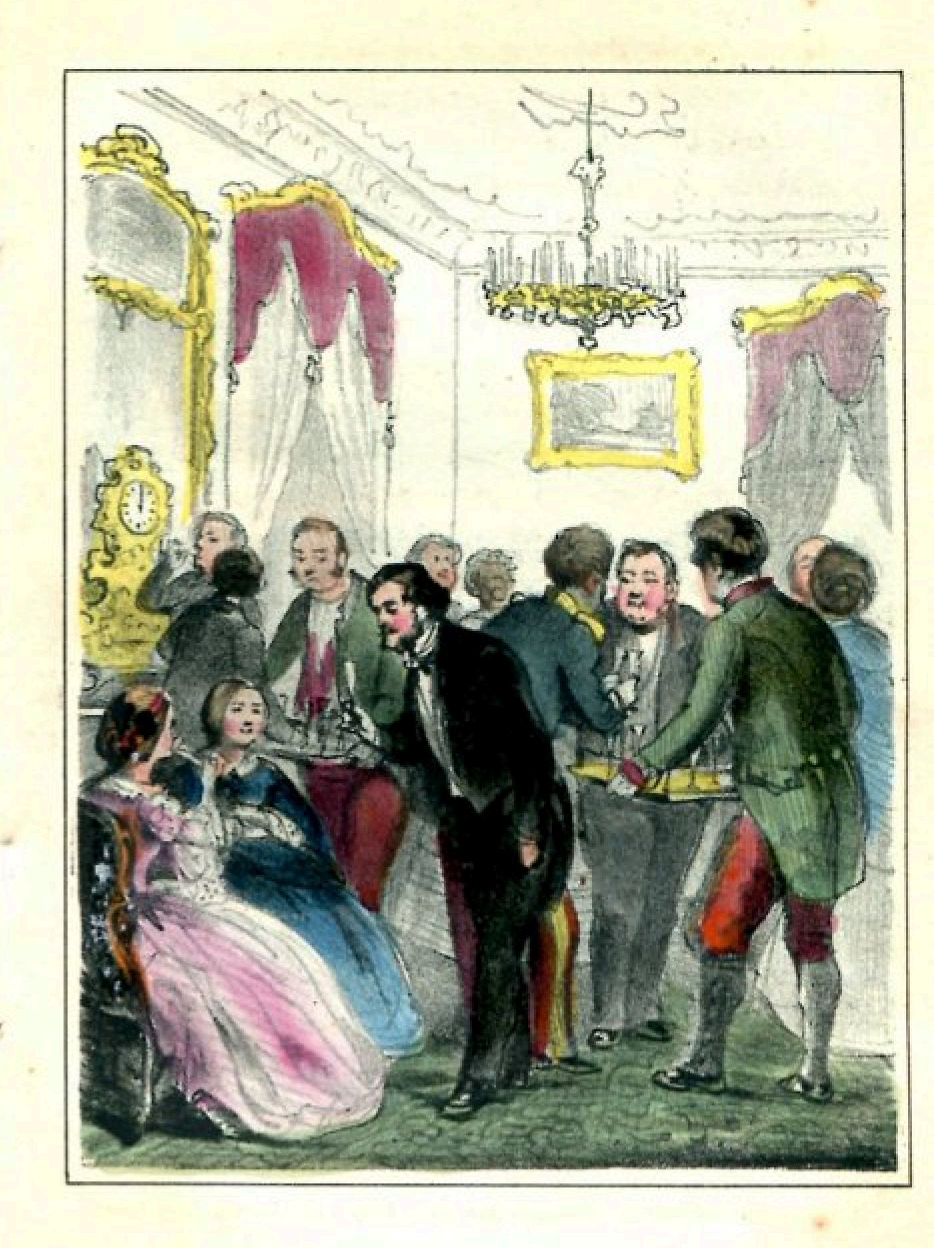
Взгляните, друзья мои, на малахитовый столъ, передъ зеркаломъ; на немъ стоятъ большіе, бронзовые часы; примѣтьте, что раззолоченная стрѣлка показываетъ 11 часовъ съ половиною; видите какъ близка уже полночь,—окончаніе стараго и начало новаго года!—Вотъ оттого-то все собраніе минутно и замолкло. Всѣ съ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ страха и нетерпѣнія ожидаютъ полуночи; на всѣхъ лицахъ написаны радость и сомнѣніе, надежда и страхъ! Всѣ эти быстро промелькнувшія въ мысляхъ ожиданія и тревоги, произвели тишину въ гостиной. Между тѣмъ стрѣлка безостановочно приближалась къ полуночи, и вдругъ... чикъ!—Всѣ невольно вздрогнули! Звонкій колокольчикъ, серебристымъ тономъ, прозвучалъ 12-ть!—При послѣднемъ ударѣ, раздался огромный оркестръ музыки, тишина исчезла, поднялся шумъ, говоръ пуще преж-

няго, посыпались поздравленія, при поздравленіяхъ комплименты, при комплиментахъ (любезностяхъ, по русски) желанія счастія... хотя, признаться, иные не желали его никому—кромѣ самихъ себя!

Двери растворились настежъ, вошли два высокіе лакея, съ превеликимъ серебрянымъ подносомъ, уставленнымъ раззолоченными бокалами, съ искрометнымъ, бѣло-пѣнящимся шампанскимъ.

Каждый изъ присутствующихъ взялъ бокалъ; одинъ чокнулся имъ съ сидѣвшимъ подлѣ него незнакомцемъ; другой отыскивалъ, среди гостей, любезнаго, или нужнаго ему человѣка, и тогда уже выпивалъ бокалъ свой, со всевозможнымъ усердіемъ осушалъ его до послѣдней капли, при желаніи здоровья хозяину и хозяйкѣ и проч. Многіе выпивали до половины, другіе же, едва отвѣдавъ, ставили на подносъ. Однако лакеи, почти съ пустою батареею длинныхъ хрустальныхъ бокаловъ удалились изъ гостиной. Громкія поздравленія и желанія вслухъ, всякаго рода благополучій, такимъ шумомъ наполнили всѣ комнаты, что почти заглушили музыку.

Вся толпа, веселая и счастливая по видимому, двинулась въ залу. Тамъ, едва касаясь скользкаго паркета, летали уже легкія пары, носясь въ вихрѣ быстраго вальса; одни танцы смѣнялись другими; кадрили, польки, мазурки, утомляя музыкантовъ, не давали отдыха танцующимъ: все кружилось, при-

прыгивало, притопывало, пришаркивало; веселье, казалось, въ самомъ разгарѣ! Но точно ли веселились эти люди? —сомнѣваюсь! Отчего же? кажется, балъ такой великолѣпный! — Оттого, друзья мои, что тутъ плясали многіе, которымъ танцы уже надоѣли, и дѣлалось это изъ одного приличія въ свѣтѣ. Хозяинъ богатъ, хозяинъ играетъ важную роль; онъ позвалъ, и къ нему *нельзя* было не ѣхать! а пріѣхавши *нельзя* не танцовать! Вотъ побудительныя причины этого мнимаго веселья; а веселиться поневолѣ—право не весело!

Между тѣмъ, какъ ни быстро смѣнялись танцы, но время летѣло еще быстрѣе, и вотъ уже множество паръ становятся въ послѣднюю мазурку, и та, какъ долго ни тянулась, однако какъ все на землѣ имѣетъ конецъ, то и она прекратилась. Экипажи загремѣли, начался разъѣздъ, и скоро великолѣпная зала опустѣла; осталась въ ней одна удушливая, наполненная азотомъ, атмосфера; прежніе ароматы исчезли; свѣчи догорали, канделябры начали коптить вызолоченные карнизы; кончики лентъ, лоскутки дорогихъ кружевъ, поддѣльные цвѣты валялись въ безпорядкѣ съ золотыми булавочками; вотъ изломанная сережка съ изумрудомъ, вотъ изогнутый браслетъ, изъ котораго повыскакали бриліанты, вмѣстѣ съ именемъ того, кого они напоминали.

Посмотримъ возвращеніе всѣхъ этихъ мнимовеселившихся по домамъ; очень немногіе и немногія изъ самыхъ молоденькихъ сказали своимъ домашнимъ, что имъ было весело на балѣ; другія же возвратились въ дурномъ духѣ, сердятся на горничныхъ, что лѣниво снимаютъ съ нихъ дорогія украшенія; имъ бы хотѣлось теперь все сорвать съ себя, не жалѣя ни кружевъ, ни бриллiантовъ, и отъ нетерпѣнія онѣ ворчатъ сквозь зубы: «какъ несносно и скучно на этихъ, большихъ балахъ, гдѣ хозяева хотятъ только хвастать своей роскошью и чваниться передъ всѣми! а намъ-то какая отъ того польза? одна утомительная усталость, совершенно безъ удовольствія.» Такъ разсуждаютъ дамы; а кавалеры, въ свою очередь, осыпаютъ насмѣшками многихъ изъ тѣхъ дамъ, которымъ они болѣе другихъ говорили любезностей и между тѣмъ, также измученные, бранятъ слугъ, совсѣмъ не виноватыхъ, бросаются на кровать, желая выспаться хорошенько... но сонъ, происхожденіе душевнаго спокойствія,—бѣжитъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; тревожныя мысли, взволнованная кровь отъ излишняго движенія, тягостная усталость, все это не даетъ имъ покою, котораго они такъ сильно желаютъ; и благотворный, мирный сонъ, совсѣмъ уже для нихъ не созданъ!

Изъ чего же бились эти бѣдные люди? Благоразумно ли проводили старый и встрѣтили новый годъ?

Что-то онъ принесетъ имъ? А по началу нельзя ожидать ничего хорошаго!—Лучше бы провести это время спокойно и мирно, каждому въ своей семьѣ и обратиться съ молитвою къ Тому, въ чьей десницѣ времена и лѣта!

Посѣщеніе великолѣпнаго бала было для насъ не очень удачно. Грустно видѣть, когда люди, братья наши, не понимаютъ собственной своей пользы!—Поспѣшимъ далѣе.

ВТОРАЯ ВСТРѢЧА
НОВАГО ГОДА.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.

Мы вошли въ небольшой деревянный домикъ, съ палисадникомъ. Эта самая старинная принадлежность небогатыхъ домовъ, какъ то уцѣлѣла въ столицѣ, конечно потому, что это незатѣйное жилище было на въѣздѣ города.

Войдемъ туда, друзья мои! какая противоположность! Передъ глазами нашими, здѣсь не только нѣтъ ковровъ на лѣстницѣ, но, кажется, она и не метена нѣсколько недѣль: столько на ней сору и всякой нечистоты! Мы сошли въ полутемный корридоръ, едва освѣщенный тусклымъ ночникомъ. Темно и тихо, какъ будто нѣтъ въ домѣ никого. На концѣ корридора стеклянная дверь, сквозь ее свѣ-

тится огонекъ, тутъ кажется есть кто нибудь живой? войдемъ туда и поглядимъ.

Небольшая узкая горница съ однимъ окномъ; въ одномъ углу кровать, покрытая однако шелковымъ одѣяломъ и съ чехлами на подушкахъ изъ тонкой кисеи, на розовой подкладкѣ, обшитыхъ кружевами. Но за то только и есть порядочнаго изъ прочихъ вещей въ этей горницѣ, потому-что у другой стѣны простой крашенный столъ, на немъ мѣдный подсвѣчникъ съ догорающей сальной свѣчкой; на единственномъ, тутъ стулѣ, также незатѣйномъ, сидитъ дѣвушка, облокотясь на столъ обѣими руками, такъ что лица ея не видно, но судя по стройному стану и густымъ, темнымъ локонамъ, падающимъ на открытыя плечи, и по рукамъ бѣлымъ и нѣжнымъ, она должна быть еще очень молода.

Но увы!—не весело она встрѣчаетъ новый годъ! Сквозь пальцы пробираются слезы и падаютъ крупными каплями; тяжелые вздохи вырываются изъ груди; конечно, жестокая грусть, или бѣдность ее удручаютъ? Однако послѣднюю нельзя предположить, потому-что она хотя въ поношенной, но бархатной мантильи, обшитой черными побурѣвшими кружевами; платье на ней, изъ шелковой, очень дорогой матеріи; въ завитыхъ локонами волосахъ продѣтъ пунцовый бархатъ, съ длинными концами назади, по послѣдней модѣ, въ ушахъ серьги съ блестящи-

ми камнями; если это не настоящіе бриллiанты, то стразы, очень похожіе на нихъ; сквозь широкій рукавъ, обшитый кружевами, видѣнъ золотой браслетъ; ножки ея, протянутыя на скамеечкѣ подъ столомъ, обуты въ бархатныя туфельки, вышитыя блестками и шелками; словомъ, во всемъ видны утонченныя затѣи!—Странно все это! Обстановка бѣдности и роскошь наряда на этой дѣвушкѣ, поражая взоры наши, невольно заставляетъ задуматься... Что же все это значитъ?—По одеждѣ, она далеко не въ крайности; но догорающая сальная свѣча и слезы ея, показываютъ, что многаго не достаетъ ей... въ вещахъ, или въ чувствахъ?—не знаемъ! На стѣнѣ противъ нея, деревянныя часы, съ висячими гирями; желѣзная, уже порядочно заржавленная стрѣлка показываетъ одиннадцать часовъ,—окончаніе стараго и близкое наступленіе новаго года!

Дѣвушка подняла голову, утерла слезы тонкимъ батистовымъ платкомъ и устремила задумчивый взоръ на часы. Точно, она молода и недурна собою, только что то недовольное, сердитое чрезвычайно портитъ правильныя черты лица, и взглядъ ея большихъ голубыхъ глазъ дѣлаетъ непріятнымъ; ясно видно, что она плачетъ не столько отъ горя настоящаго, сколько отъ досады на кого-то или на что-то. Кажется, настоящая ея жизнь ей не нравится!

Вотъ отворилась тихо боковая дверь, вошла ни-

зенькая старушка; лицо ея очень сморщено лѣтами, но обнаруживаетъ неподдѣльный, природный умъ; а небольшіе сѣрые глаза съ такимъ быстрымъ взглядомъ, что казалось проникаютъ въ душу.

Старушка тихими шагами подошла къ столу, посмотрѣла на молодую дѣвушку и, покачавъ головою, сказала: «Эге! ты опять плачешь, Розалія!»

— Плачу и буду плакать, Татьяна Спиридоновна! Какъ вамъ угодно, а ужъ меня никто не утѣшитъ!... Посмотрите-ка, что показываютъ часы?

— Половина двѣнадцатаго; ну такъ чтожъ?

— Какъ чтожъ, Татьяна Спиридоновна? Вѣдь скоро наступитъ новый годъ!

— Пусть онъ наступитъ,—что же намъ до этого?

— Удивительное дѣло! есть же такіе равнодушные люди на свѣтѣ!... Вотъ и видно, что вы кромѣ этого несноснаго дома и этой темной канурки съ сальнымъ огаркомъ, ничего не видали лучше!

— И слава Богу, что не видала! Оттого я не рвусь какъ ты, а спокойно провожаю старый и встрѣчу, если Господь благословитъ — съ радостію, новый годъ... а ты плачешь!

— И буду плакать! Въ такой несносной, скучной жизни и дѣлать больше нечего...

— Какъ даромъ терять глаза и ослѣпнуть? Не правда ли, что это умно! А къ тому же, развѣ сказано тебѣ, что слезами ты эту жизнь перемѣ-

нишь? Нѣтъ, Розалія, право все будетъ тоже, или еще хуже! Совѣтую тебѣ, какъ человѣкъ опытный, прожившій много лѣтъ, со смиреніемъ покориться своей участи, приняться хорошенько за настоящее дѣло: тогда и скучная жизнь пойдетъ скорѣе, и здоровья своего не разстроишь — а намъ, бѣднымъ людямъ, право оно очень дорого...

— Намъ, бѣднымъ людямъ! О, Боже мой! и я попала въ это число... и я сдѣлалась прислужницей несносной, скупой барыни!...

— Напрасно ты такъ ее называешь: она право гораздо лучше, нежели ты думаешь...

— Что я думаю, то думаю! не вамъ разсуждать объ этомъ, вы и во снѣ не видали того, какъ жила я прежде.

— И видѣть не хочу: если прежняя твоя жизнь заставляетъ тебя такъ горько плакать, то она не была для тебя полезна, а что не полезно, то непремѣнно вредно!

— Ахъ, какія вы! Послушайте, я вамъ разскажу хотя немного изъ моего прежняго счастія; тогда вы и сами скажете, что нельзя мнѣ не плакать; останьтесь пожалуйста со мною; сядьте вотъ хоть на мою кровать;—въ моей прекрасной горницѣ нѣтъ и стула лишняго! Пожалуйста, Татьяна Спиридоновна!... Въ эту ночь я не могу спать! Надобно дождаться новаго года... хоть онъ мнѣ и не сулитъ ничего добраго; но все-таки, по старой привычкѣ, посижу до полуночи.

— Изволь, я готова слушать твои разсказы; это лучше, нежели считать твои тяжкіе вздохи: на бѣду кровать то моя за перегородкой, да еще и у самой двери, оттого слышно, какъ ты рвешься тутъ по пустому...

— Пусть такъ! однако, знате ли то, что я живу теперь почти за заставой, гдѣ кромѣ мужиковъ съ обозами, ничего не увидишь; а прежде я жила у знатной графини, на самой лучшей улицѣ въ городѣ?

— Знаю, всѣ это знаютъ: ты прожужжала этимъ всѣмъ уши.

— Но вы не знаете, Татьяна Спиридоновна, что будетъ далѣе. Выслушайте меня теперь и вѣрьте, что я буду говорить сущую правду, а не какую нибудь волшебную сказку. Я была дочь главной ключницы въ московскомъ домѣ графини, моей благодѣтельницы. Ея сіятельство, увидѣвъ меня однажды подлѣ моей матери, приласкала, назвала милой и хорошенькой дѣвочкой, слышите, хорошенькой, и съ тѣхъ поръ приказала приводить меня каждое утро въ свою уборную, гдѣ она изволила всегда очень долго одѣваться. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, и моя должность состояла въ томъ, чтобы подавать булавки. Я это исполняла очень усердно, за что еще больше

ей понравилась; она приказала одѣвать меня какъ можно лучше, и вотъ нашили мнѣ и розовыхъ, и голубыхъ, и всякихъ дорогихъ платьевъ, не только кисейныхъ, даже и барежевыхъ! И съ тѣхъ поръ я уже не только въ уборной, но и въ гостиной, всегда была подлѣ ея сіятельства; она меня называла своей *фавориткой*. Можетъ быть, вы этого слова не понимаете, Татьяна Спиридоновна; видите, оно по французски, и значитъ по нашему... какъ бы вамъ сказать? Ну!... своей любимицей! Все во мнѣ казалось хорошо доброй графинѣ; только имя мое немножко подпортило! Видите, родители мои, при крещеніи, назвали меня Маврой; графиня очень сердилась за это и говорила, что такое имя непріятно для слуха, и однажды, когда я пришла къ ней поутру, часу въ двѣнадцатомъ (графиня всегда очень поздно вставала, за то и весь домъ спалъ безъ просыпу!). Вотъ какая была счастливая жизнь!... И какъ теперь помню, графиня, въ это утро, сидѣла передъ зеркаломъ, съ накинутымъ на плечи пеньюаромъ изъ тончайшей кисеи, на розовомъ атласѣ, обшитомъ кружевами; ей причесывали волосы, а она читала какую то французскую книжку. Увидѣвъ меня, она вдругъ сказала: вотъ какое прекрасное имя нашла я тебѣ, Мавруша, въ этомъ романѣ! смотри же помни, что съ этой минуты ты будешь называться не *Маврой*, а *Розаліей*, и я приказываю, прибавила графиня, посмотрѣвъ на прочихъ прислужницъ, чтобы никто въ домѣ не смѣлъ назвать ее прежнимъ именемъ!

Вотъ съ тѣхъ поръ, я изъ Мавры сдѣлалась Розаліей; не правда ли, что это гораздо лучше?... Но чему же вы смѣетесь, Татьяна Спиридоновна?

— Тому, что ты разсказываешь это съ такимъ удовольствіемъ. Можно ли радоваться, душа моя, что имя, данное тебѣ при святомъ крещеніи, имя праведной угодницы Божіей, которой молитвамъ и заступленію поручили тебя твои родители при купели, вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, перемѣнили... да еще какъ! выбрали изъ какой то французской книги... прости меня, а это очень похоже, какъ наша барыня старушка отыскиваетъ, именно въ *французскихъ романахъ*, кличку или названіе своимъ собаченкамъ!... Какъ же не смѣшно, или скорѣе грустно, что ты съ радостію согласилась на такую перемѣну?... Извини, душа моя, а ужъ теперь я почитаю за грѣхъ называть тебя Розаліей; конечно, можетъ быть, это имя и святой; но оно не твое и кажется, нѣтъ его въ календарѣ нашемъ; и сердись, не сердись, съ этихъ поръ я буду называть тебя Маврушей, до конца дней твоихъ и моихъ.

— Какъ хотите! Теперь мнѣ все равно, я отжила свой золотой вѣкъ!... Но только съ того дня какъ переименовали меня Розаліей, посыпались на

меня всѣ милости графини: платье не платье, нарядъ, не нарядъ! и въ каретѣ она возила меня кататься съ собою и къ знакомымъ своимъ на праздники. Разумѣется, для графини всѣ ласкали меня, дарили разныя вещи; игрушекъ у меня было множество! ни къ чему меня не пріучали; хочу учусь, хочу нѣтъ, за то едва могу написать какую нибудь записочку, и то съ трудомъ: наука не далась мнѣ! Никогда я ничего не дѣлала, все бѣгала, да прыгала съ утра до вечера; графиня забавлялась мною какъ куклой, наряжала, да охорашивала и любила за то, что я умѣла разсмѣшить ее смѣлыми отвѣтами. А когда я подросла, то стало еще лучше: графиня распустила слухъ, что я дочь какого то иностранца, почему и называлась Розаліей, что родители мои умерли за границею, и что будто она привезла меня оттуда, еще въ пеленкахъ, и отдала на воспитаніе своей ключницѣ; къ тому же она взяла лучшаго танцмейстера и выучила меня танцовать. На это я была не лѣнива! И тогда ужъ всѣ кавалеры на балахъ графини звали танцовать меня; а также и важныя дамы, желая угодить моей благодѣтельницѣ, ласкали и дарили меня безпрестанно...

— Что же ты сдѣлала изъ всѣхъ этихъ подарковъ?

— Да ничего, Татьяна Спиридоновна! Теперь ужъ и очень жаль, да не воротишь! Конечно, не

умѣла я ничѣмъ пользоваться. Въ ребячествѣ дарили мнѣ игрушки; когда подросла — книжки, рабочіе ящички; а потомъ платья и всякіе наряды. А я, бывало, игрушки тотчасъ переломаю, въ книжкахъ пересмотрю только картинки и брошу ихъ гдѣ нибудь на окнѣ, такъ что, бывало, книжка моя, въ хорошемъ переплетѣ, отъ солнца или отъ сырости вся изогнется, испортится и заваляется какъ никуда годная? Рабочіе же ящички, или корзинки и баульчики, сколько бы они дороги и хороши ни были, возьму, бывало, поношу день, или два, будто съ положенною въ нихъ работою, иногда и точно начатою, но никогда некончаемою; а потомъ и ящичекъ мнѣ наскучитъ, уроню его гдѣ нибудь и забуду, до другаго новенькаго; поутру уже лакеи, убиравшіе графинины горницы, подбираютъ все брошенное мною; иной отдастъ своимъ дѣтямъ, а другой снесетъ въ трактиръ; особливо за ящички иногда платили имъ и дорого;—а ужъ, конфектъ то, конфектъ сколько у меня было! Ну такъ много, что я съ утра до вечера жевала разныя сладости... Представьте же себѣ, каково мнѣ теперь, когда я вдругъ оборвалась на щи и на гречневую кашу! Я, которая привыкла къ супамъ консомме, къ дичинѣ, разнымъ тонкимъ пирожнымъ, желе и бламанже?... Да къ тому же одѣта какъ теперь...

— Слишкомъ нарядно, душа моя!

— Какъ? И это вы называете слишкомъ нарядным, Татьяна Спиридоновна? Когда я донашиваю старыя обносочки прежнихъ платьевъ? Такъ ли я бывала одѣта наканунѣ новаго года?... Нѣтъ что вы ни говорите, а слезамъ моимъ не можетъ быть конца! Что за несносная жизнь! Хваленая ваша барыня встаетъ съ пѣтухами, такъ что цѣлая свѣчка сгоритъ до разсвѣта; а ложится въ десять часовъ; ну! гдѣ это видано? представьте же каково мнѣ? Я привыкла вставать въ двѣнадцать, обѣдать въ пять и въ шесть; часовъ; а здѣсь не успѣешь опомниться, какъ и садись за столъ, да еще съ какимъ грубымъ кушаньемъ, нѣтъ и сладкаго ничего, а я привыкла къ фруктамъ и десерту.

— Вотъ видишь, я и отгадала, что прежняя твоя жизнь была для тебя не только не полезной, но очень вредною! Ты, душа моя, какой то странной судьбою, была, что называется, посажена — *не въ свои сани*! А по истинной справедливости, кто родился въ какомъ быту, тотъ и долженъ въ немъ оставаться, потому-что это опредѣленіе Божіе! А кто вопреки поступитъ, тотъ и сдѣлается ни павой, ни вороной! Сама видишь, что твое мнимое счастіе было настоящимъ для тебя несчастіемъ...

— Какъ это, Татьяна Спиридоновна, я что то не понимаю?

— Такъ, душа моя, согласись сама, что если

бы дареныя тебѣ книжки не бросала ты по окнамъ и по столамъ, а старалась бы убирать ихъ къ мѣсту и читала почаще, что въ нихъ написано, то, конечно, многому бы научилась; а также, еслибъ въ дорогихъ дареныхъ ящичкахъ и корзиночкахъ лежала у тебя настоящая работа, и ты сама начинала бы и оканчивала ее, какъ слѣдуетъ, то непремѣнно была бы рукодѣльною дѣвушкой, и теперь, при всякой оторванной ленточкѣ, или тесемочкѣ, распоровшемся лифѣ, или рукавѣ, не была бы принуждена кланяться и просить, или даже платить посторонимъ, чтобы поправили твое платье; оттого всѣ въ домѣ, даже и маленькая Даша, смѣются надъ тобою, что ты не умѣешь взять иголку въ руки!— Также совсѣмъ напрасно называешь ты барыню нашу, и несносной, и скупой. Если бы мы съ тобою были такія больныя какъ она, то навѣрное еще больше обнаруживали бы нетерпѣнія во всемъ, и если бы намъ съ тобой, съ небольшими средствами, какъ ей, пришлось заботиться прокормить себя и всю такую прислугу какъ наша, то я думаю, мы бы такъ заскупились, что не только другихъ, и себя уморили бы съ голоду! А у нея только и взыску, что любитъ чистоту въ домѣ... вотъ что тебѣ то и не нравится, потому-что эта единственная должность поручена тебѣ...

— Чтобъ обметать пыль съ мебелей... Но по-

судите же, Татьяна Спиридоновна, привыкла ли я, воспитанная въ нѣгѣ, къ тому, чтобы осмотрѣть каждый стулъ и кресло въ гостиной? А еще мнѣ же выговариваютъ, что нечисто! Разумѣется, что несносны такія взысканія.

— Однако признайся, Мавруша, что они справедливы; положимъ, что еще въ гостиной порядочно чисто, но загляни-ка въ другія горницы, куда барыня рѣдко выходитъ; напримѣръ хоть бы въ диванной и въ залѣ, я ужъ не говорю о другихъ, напримѣръ хоть бы здѣсь, въ твоей горницѣ и въ корридорѣ; объ лѣстницѣ же страшно и подумать, такъ ужъ она загрязнилась и… извини меня, это сдѣлалось съ тѣхъ поръ, какъ поручено тебѣ смотрѣть за чистотою въ домѣ. И вотъ, по моему, лучше бы не надѣвать порядочныхъ чехловъ на свои подушки, а изъ кружевъ сдѣлать себѣ что нибудь понужнѣе; да и самой не наряжаться бы въ шелковое платье, когда мы здѣсь однѣ съ тобою; а лучше бы для новаго года позаботиться, чтобы вездѣ было чисто, потому что это твоя должность…

— Ну! ужъ хороша эта должность! По мнѣ ли она?

— По тебѣ, душа моя, потому что ты другаго ничего не умѣешь. Подумай, за что же тогда и держать тебя въ домѣ, да еще платить жалованье, при готовомъ обѣдѣ и теплой горницѣ, да еще хоть

сальной, но даровой свѣчкѣ; повѣрь, что все это очень трудно добывать и съ рукодѣльными руками! И вотъ тебѣ доказательство, что барыня наша совсѣмъ не скупа: она, зная, что ты ничего не умѣешь дѣлать, изъ одной жалости, когда скончалась твоя графиня, взяла тебя къ себѣ въ то время, когда богатые наслѣдники графини отказали тебѣ отъ дома. Ты жалуешься на обѣдъ, грубый по твоему; но скажу тебѣ, что ты здоровѣе стала безъ конфектъ и лакомствъ. Вспомни, какая ты худая и блѣдная пришла къ намъ.

— Конечно, это правда, сама не знаю отъ чего, я даже потолстѣла: всѣ мои прежнія, увы! прекрасныя платьица сдѣлались мнѣ узки; а перешить ихъ не умѣю и поневолѣ должна согласиться съ вами… точно, я не умѣла пользоваться ничѣмъ!… Вотъ я и встрѣчаю новый годъ со слезами.

— Повторяю тебѣ, что не объ чемъ еще плакать! А напротивъ, душа моя, ты должна благодарить Бога, что избавилъ тебя отъ прежней, пагубной жизни, и просить Его, чтобы помогъ тебѣ, съ этого новаго года, начать другую, полезную жизнь, приниматься болѣе и болѣе за дѣло, отбросить лѣнь и неумѣстныя прихоти, которыя къ намъ совсѣмъ нейдутъ… и тогда нигдѣ, даже и здѣсь, не будетъ тебѣ скучно.

При этомъ словѣ Спиридоновны, вдругъ что-то

зашипѣло, маленькая дверца деревянныхъ часовъ отворилась, высунулась деревянная кукушка и жалобно прокуковала 12 разъ.

— Вотъ и наступилъ новый годъ! сказала старушка, перекрестясь; встань, Мавруша! стряхни съ себя свою прежнюю дурь; помолимся вмѣстѣ и поблагодаримъ Господа за то, что съ Его святою помощію, окончили мы благополучно прошедшій годъ, здорово и невредимо; что не лишились ни рукъ, ни ногъ, и не впали въ какую нибудь жестокую болѣзнь; поблагодаримъ за это милосерднаго Бога и попросимъ благословить Своею благодатію—наступившее новое лѣто! Потомъ ляжемъ и заснемъ спокойно, до завтрашняго утра, съ намѣреніемъ быть лучшими и употреблять жизнь нашу на пользу себѣ и другимъ, стараясь исполнить обязанности, для которыхъ мы рождены и припоминая справедливую пословицу: *не садись не въ свои сани!*

ТРЕТЬЯ ВСТРѢЧА

НОВАГО ГОДА.

ТЮРЕМНЫЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ.

Были мы въ огромномъ каменномъ домѣ, на балѣ, у богатыхъ людей;—были потомъ въ деревянномъ домикѣ, гдѣ видѣли жалкую дѣвушку, выведенную изъ своего состоянія и посаженную не въ свои сани.

Теперь куда же пойдемъ мы? Воображеніе ведетъ насъ къ толстымъ, неуклюжимъ стѣнамъ съ крѣпкими затворами... Куда же это?... Неужели? Да, въ печальное жилище заключенныхъ, то есть въ городскую тюрьму. Но какое же можетъ быть тамъ празднованіе новаго года? Развѣ однѣ слезы и отчаяніе? Является ли радость въ этомъ уныломъ зданіи? Посмотримъ, друзья мои!

Толстыя стѣны, вотъ внутреннее украшеніе этого

мрачнаго жилища. Тутъ на полу горитъ ночникъ съ самымъ дурнымъ масломъ и наполняетъ тѣсный чуланъ отвратительнымъ запахомъ; нѣтъ ни одного стула; въ углу деревянная полуизломанная скамья, подлѣ стѣны, вмѣсто постели. Въ переднемъ углу прикрѣпленъ небольшой образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, и передъ нимъ стоятъ на колѣнахъ старикъ и старуха, оба въ лохмотьяхъ. Бѣдные! какъ должны быть они несчастны! Эта жалкая чета молится Богу; посмотримъ на нихъ хорошенько! Глаза обоихъ устремлены на ликъ святѣйшаго Страдальца, тихіе вздохи вырываются изъ груди и слезы крупными каплями упадаютъ на ихъ ветхую одежду.

Однако въ лицахъ ихъ не видно ни мучительной тоски, ни душевнаго страданія; напротивъ, какое-то спокойствіе осѣняетъ почтенныя ихъ черты, украшенныя бѣлыми какъ снѣгъ волосами.

— Благодарю Тебя, Господи! за то, что смирилъ меня напастями, смерти же не предалъ... да будетъ воля Твоя!—произнесъ старикъ, кланяясь въ землю.

— Да, Владыко! буди воля Твоя! прибавила старушка; мы страждемъ невинно, Ты это знаешь, и потому помилуешь насъ непремѣнно!

Положивъ еще нѣсколько земныхъ поклоновъ, они кончили свою молитву.

— Завтра наступитъ новое лѣто! сказалъ старикъ, садясь на солому; вотъ, душа моя, и прошелъ

уже цѣлый годъ заточенія нашего... но потому, какъ совѣсть наша чистая, то горе насъ и не одолѣло! Господь видимо подкрѣплялъ насъ; точно, отъ всей души должны мы благодарить Его за это, посланное намъ, несчастіе... если можно назвать несчастіемъ то, что очищаетъ грѣхи наши и ведетъ насъ къ вѣчной радости!

— Къ наградѣ за невинное претерпѣніе и покорность судьбѣ чистой души твоей, милый другъ!—Да, конечно, одинъ Господь справедливъ! Онъ не такъ, какъ слабые люди, не видятъ и не хотятъ видѣть истины!

— Не сѣтуй на нихъ, душа моя. Повѣрь, что люди ничто болѣе какъ орудія промысла Божія, управляющаго нами и посылающаго даже и самыя скорби на пользу нашу.—Къ тому же, будь увѣрена, что гонители наши болѣе насъ достойны сожалѣнія. Ты, вѣрная моя подруга, со мною! Мы оба спокойно можемъ спать, на этой жидкой, сырой соломѣ; конечно намъ не очень пріятно въ этомъ тѣсномъ, холодномъ и сыромъ чуланѣ—словомъ, въ этой тюрьмѣ, куда заточила насъ несправедливость человѣческая и откуда выведетъ правосудіе Божіе!.. все равно, въ здѣшній ли еще или въ будущій, лучшій міръ!.. О! душа моя! хорошо, чрезмѣрно хорошо перейти отъ несправедливаго гоненія здѣшняго міра—въ объятія вѣчной правды!—За что же мнѣ сѣтовать на моихъ притѣснителей, когда, можетъ быть, за непра-

ведливые ихъ нападки, будутъ мнѣ прощены грѣхи мои? Напротивъ, должно просить Господа простить имъ, можетъ быть, и невольное заблужденіе на мой счетъ!

— Ты всегда такъ говоришь, неоцѣненный другъ мой, ты не умѣешь сердиться ни на кого! А потому и эта всѣми отличаемая ночь, проходитъ для насъ также спокойно; мы не приходимъ въ отчаяніе, не рвемся изъ этого заточенія, въ то время, когда знаемъ, что вся Россія празднуетъ этотъ вечеръ, провожая старый и встрѣчая новый годъ! Конечно есть многіе, которые подобно намъ встрѣтятъ его среди скорби и напастей; есть и такіе, которымъ гораздо хуже насъ! Особливо, если они лишили себя того надежнаго щита, сквозь который не проникаютъ стрѣлы самаго жестокаго несчастія, именно, спокойной совѣсти! ты страждешь невинно, другъ мой, и я, сопутница твоя, не желая разстаться съ тобою, добровольно заключила себя здѣсь и радуюсь тому небесному чувству, которое живетъ въ душѣ твоей, и молитвы мои съ восторгомъ возносятся къ всемогущему Богу, въ пламенной благодарности за то, что святая благодать Его, не отступно пребываетъ съ тобою, и потому ты спокоенъ при самыхъ жестокихъ ударахъ судьбы! для насъ все равно, старый, или новый годъ! время течетъ однообразно, и только по громкому благовѣсту во всѣхъ церквахъ, знаемъ мы, что завтра праздникъ... Вотъ самое тягостное для насъ съ тобою, что не можемъ быть во храмѣ Божіемъ и молиться со всѣми братьями нашими, православными христіанами.

— Конечно это прискорбно, душа моя! но и тутъ есть отрадная мысль, что мы въ томъ не виноваты; къ тому же и самъ Господь сказалъ: «Идѣже бо «еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь «посредѣ ихъ». (Еван. Матѳ. гл. 18, ст. 20.) — Мы молимся здѣсь въ этихъ неприступныхъ для людей стѣнахъ; но Господь и тутъ посреди насъ! Какое же мірское удовольствіе можетъ съ этимъ сравниться?

— Вотъ, слышишь, другъ мой, на городской башнѣ бьетъ двѣнадцать часовъ, полночь наступила, а съ нею и новый годъ явился передъ нами!

— Господи! благослови вѣнецъ наступающаго лѣта для Царя, для Россіи, для всѣхъ, какъ друзей, такъ и гонителей нашихъ; а также и для насъ самихъ! воскликнули вдругъ старики и оба повергліісь на землю, передъ святою иконою Спасителя.

Въ эту минуту грустная тишина, ихъ окружавшая, вдругъ была прервана стукомъ тяжелыхъ запоровъ, брячаньемъ ключей, и двери въ темницу ихъ отворились. Тюремщикъ съ фонаремъ въ рукѣ переступилъ черезъ порогъ; за нимъ слѣдовалъ какой-

то баринъ въ шубѣ, съ маленькою дѣвочкой, лѣтъ восьми, хорошенькою какъ Ангелъ.

— Вотъ они здѣсь, ваше превосходительство; сказалъ тюремщикъ, приподнимая фонарь, чтобы освѣтить весь казематъ.

— Подойди къ нимъ, дружокъ мой Лиза, тихо произнесъ господинъ, наклонясь къ маленькой дѣвочкѣ, и скажи зачѣмъ ты пришла сюда.

Малютка подбѣжала къ старикамъ, стоявшимъ въ изумленіи, въ противоположномъ углу.

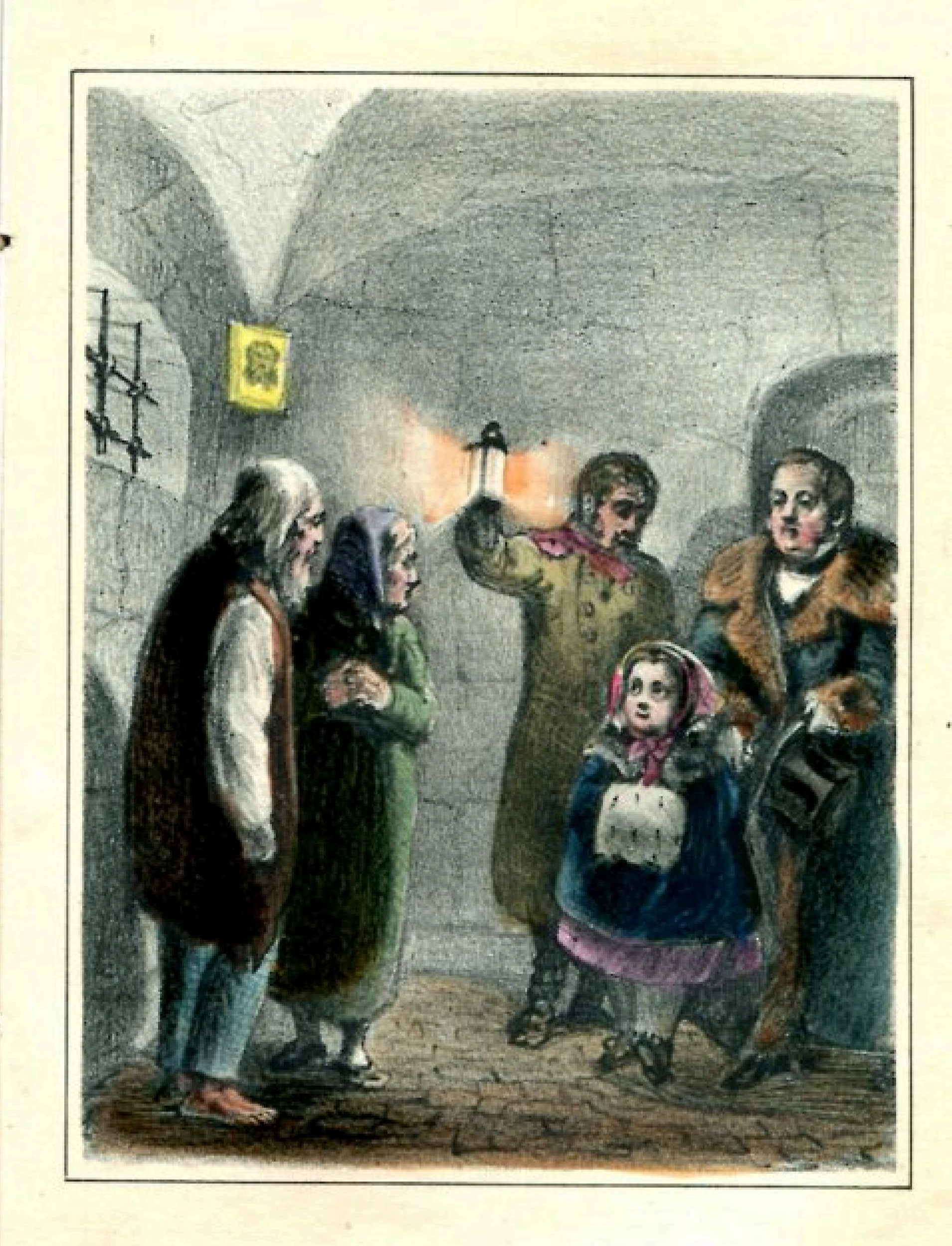
— Милые мои, почтенные старички! сказала она звонкимъ голоскомъ, добрый мой папенька позволилъ мнѣ придти сюда для того, чтобы сказать вамъ, что вы, почтенный старичекъ, что вы... какъ бишь, папаша?

— Оправданы, подсказалъ отецъ очень тихо.

— Оправданы! вскрикнула дѣвочка, и сейчасъ же можете выдти отсюда; пойдемте же, мои душеньки, скорѣе, мы васъ посадимъ въ нашу карету и повеземъ къ намъ въ домъ, гдѣ очень тепло и свѣтло, не такъ какъ здѣсь темно и холодно. Поѣдемте скорѣе, маменька васъ дожидается, чтобы напоить чаемъ и поподчивать ужиномъ.

Дѣвочка такъ проворно все это проговорила, что старики, въ изумленія отъ нечаянной радости, не могли выговорить ни слова, только кланялись и утирали слезы, которыя бѣжали ручьемъ.

— Дочь моя говоритъ истинную правду; вы, поч-

тенный (онъ назвалъ старичка по фамиліи), оправданы совершенно, сказалъ отецъ Лизы. Я былъ недавно назначенъ, чтобъ изслѣдовать окончательно ваше дѣло; вы чисты какъ стекло и правы какъ истина! Всѣ бумаги и доказательства утверждены. Я позволилъ Лизѣ пріѣхать самой, освободить васъ, потому что она была главною причиною вашего оправданія; она къ каждому новому году сберегаетъ нѣсколько денегъ, чтобы сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, и вотъ какъ ныньче Господь наградилъ ее, сдѣлавъ орудіемъ освобожденія невиннаго человѣка! Но поѣдемте скорѣе отсюда; дорогою разскажу вамъ, какъ это происходило. Сказавъ это, генералъ повелъ подъ руку старика; а Лиза, припрыгивая, поддерживала старушку. Наградивъ щедро тюремщика, который низко раскланивался, они всѣ четверо сѣли въ карету и оставили навсегда это жилище мрака и скорби

Дорогою отецъ Лизы началъ разсказывать: «Когда поручено мнѣ было слѣдствіе этого дѣла, я потребовалъ къ себѣ всѣ бумаги; секретарь же, подкупленный противною стороною, принесъ мнѣ фальшивую выписку изъ дѣла и положилъ на столъ въ моемъ кабинетѣ; дочь моя, Лиза, случайно была тутъ же и когда секретарь ушелъ, я, желая заняться разсматриваніемъ дѣла, сказалъ Лизѣ, чтобы она ушла играть въ другую комнату. Она тотчасъ повинова-

лась и занялась своими куклами за рѣшеткой изъ плюща, сдѣланной въ углу залы; густая зелень скрывала ее тамъ совершенно. Только что она тамъ расположилась съ игрушками, какъ секретарь вошелъ снова въ залу, съ однимъ незнакомымъ человѣкомъ и показывая ему какую-то бумагу, сталъ поздравлять его съ успѣхомъ, говоря, что онъ удачно обманулъ генерала; совѣтуя ему идти спокойно домой и присовокупляя, что черезъ часъ придетъ онъ къ нему, когда ложная бумага будетъ прочитана и подписана. Они пожали другъ другу руку и тотъ ушелъ; а я позвонилъ въ эту минуту, это былъ знакъ, что требую секретаря обратно. Услышавъ мой колокольчикъ, онъ оробѣлъ ужасно, Богъ знаетъ отъ чего. Видно, какъ сказано въ Святомъ Писаніи, что грѣшникъ бѣжитъ, хотя никто за нимъ не гонится. И такъ, въ испугѣ и въ торопяхъ засунулъ онъ ту бумагу, которую держалъ въ рукахъ, за бюстъ, стоявшій по ту сторону рѣшетки и пошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, зная, что въ это время въ залѣ никогда никого не бываетъ. Бумага же, проскочивъ сквозь решетку, упала къ ногамъ Лизы, которая уже горько плакала тамъ, потому что хотятъ обмануть любезнаго ея папеньку; тутъ счастливая мысль пришла ей въ голову: видно Богъ внушилъ эту малютку! И она, схвативъ бумагу изъ за бюста, побѣжала къ матери вся въ слезахъ и разсказала ей, что секретарь съ другимъ человѣ-

комъ обижаютъ милаго ея папашу. Между тѣмъ, я велѣлъ секретарю читать мнѣ ваше дѣло, и онъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, обвиняющемъ васъ, давалъ мнѣ это замѣтить. Признаюсь, я уже готовъ былъ повѣрить тому, что вы преступникъ: такъ хитро были подведены всѣ къ тому доказательства! Но вдругъ отворилась боковая дверь изъ внутреннихъ комнатъ и вбѣжала Лиза съ бумагою въ рукѣ; это меня удивило: дочь моя никогда не осмѣливается входить ко мнѣ въ кабинетъ, когда кто нибудь бываетъ у меня. Что это, Лиза? спросилъ я ее и хотѣлъ сдѣлать ей выговоръ; но она предупредила меня, вскрикнувъ: «Папенька не слушайте этого господина, онъ читаетъ неправду! вотъ что вамъ знать должно! Сказавъ это, она подала мнѣ бумагу и скрылась.

Я взглянулъ на секретаря, онъ поблѣднѣлъ и затрясся.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— Не знаю... ваше... превосходительство, отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

«Тогда началъ я читать настоящее дѣло и увидѣлъ, что вы совершенно правы; а что обвинили васъ, единственно для того, чтобы завладѣть вашимъ имѣніемъ, и то очень небольшимъ. Господи! какъ ужасна страсть корыстолюбія въ человѣкѣ! И вотъ милосердый Господь избралъ этого ребенка и по-

слалъ какъ Ангела Своего правосудія, чтобы открыть невинность вашу. Разумѣется, по всѣмъ справкамъ оказалось, что обвиненіе это было ничто болѣе какъ самая гнусная клевета!

«Когда Лиза разсказала матери со слезами слышанное ею и показала ей бумагу, тогда жена моя велѣла ей тотчасъ подать мнѣ въ присутствіи секретаря эту бумагу и научила что сказать мнѣ притомъ, и Лиза, какъ достойная дочь государственнаго человѣка, исполнила посольство свое въ точности; слѣдовательно она есть настоящая ваша освободительница. Безъ нея, я сдѣлалъ бы величайшее преступленіе, обвинивъ честнаго и добродѣтельнаго человѣка! И въ награжденіе, какъ за ваше такъ и собственное мое спасеніе въ этомъ случаѣ, позволилъ я ей самой пріѣхать за вами, почтеннѣйшіе старички! Поѣдемте къ намъ; жена моя ласково васъ приметъ и вы можете оставаться и жить у насъ сколько вамъ угодно, пока мы освободимъ совершенно ваше небольшое имѣніе изъ этихъ преступныхъ когтей. Пожалуйста не благодарите и не кланяйтесь мнѣ: одинъ Всевидящій Господь спасъ всѣхъ насъ, и къ Нему должно относиться наше благодареніе! Поздравляю васъ съ освобожденіемъ, а дочь мою, съ прекраснымъ началомъ новаго года!»

Такимъ образомъ Лиза съ ангельскою радостію встрѣтила новое лѣто и простилась съ прошедшимъ,

въ которомъ, не смотря на свой, столь еще раннiй возрастъ успѣла она сдѣлать не одно доброе дѣло, удѣляя бѣднымъ отъ всего, что дарили ей родители и другіе родственники, нѣжно любящіе эту милую дѣвочку.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРѢЧА

НОВАГО ГОДА.

ВАСИЛЬЕВЪ ВЕЧЕРЪ *).

Проводивъ счастливую Лизу съ освобожденными ею старичками, въ домъ ея родителей, гдѣ было употреблено все, что только можетъ придумать добрая душа, для спокойствія своего ближняго, — мы также, очень утѣшенные такимъ происшествіемъ, попробуемъ заглянуть еще въ нѣкоторыя семейства, и посмотримъ тамъ празднованіе новаго года.

Для перемѣны, пойдемъ, друзья мои, по набережной рѣки Фонтанки. Вотъ передъ нами очень боль-

*) Статья эта посвящена описанію дома извѣстнаго еще не очень давно въ Петербургѣ и принадлежавшаго прежде знаменитому нашему отечественному стихотворцу Гавріилу Романовичу Державину. Въ послѣдніе годы домъ этотъ до 1842 года принадлежалъ добродѣтельной супругѣ его, отличавшейся подвигами добра и милосердія; по смерти ея, проданъ былъ наслѣдниками, а потомъ сломанъ и замѣненъ совершенно иными строеніями.

шое, каменное строеніе. Это уже не домъ, а какъ будто, какой то старинный замокъ, съ колоннадою, окружающею обширный дворъ, съ позолоченною рѣшеткою впереди, уже полинявшею мѣстами отъ времени, и воротами прямо на Фонтанку.

Войдемте въ это полустаринное зданіе. Кто то живетъ въ немъ и какъ то празднуютъ тамъ наступленіе новаго года?

Пройдя по каменной мостовой обширнаго двора, вошли мы въ сѣни, очень высокія и свѣтлыя, потому что они были въ два свѣта и въ нихъ сдѣлана не очень высокая лѣстница въ два только поворота, съ деревянными ступенями и точеной балюстрадой; на ней не было положено ковровъ, вѣроятно потому, что ступени, будучи деревянныя, не холодны и не высоки, такъ что очень удобно всходить на нихъ.

Швейцаръ, съ широкою перевязью, украшенной гербами хозяевъ дома, и съ нарядною булавою, какъ слѣдуетъ, отворилъ намъ двери, позвонилъ два раза, означая тѣмъ пріѣздъ мужчинъ и дамъ.

Мы пошли наверхъ; небольшая дверь вела въ переднюю, столь не широкую поперегъ, что сдѣлавъ не болѣе двухъ, или трехъ шаговъ, очутились мы уже въ продолговатой горницѣ, родъ залы, съ небольшими окнами, изъ которыхъ два глядѣли въ садъ, а два другія въ огромную, великолѣпную залу въ два свѣта, бывшую въ нижнемъ этажѣ. Изъ

верхней же горницы, гдѣ мы находились, вела дверь въ гостинную, тоже небольшую, съ полукруглымъ балкономъ, поддерживаемымъ очень толстыми колоннами; изъ гостинной вступили мы въ родъ диванной стариннаго покроя; посрединѣ этой комнаты выдавались двѣ стѣнки и составляли глубокую нишь; вмѣсто обоевъ онѣ были покрыты кисеею на розовомъ грунтѣ и представляли родъ палатки, съ большимъ зеркаломъ внутри. Кисея, ложась складками, была собрана на потолкѣ въ видѣ огромной розасы, средину которой составляло другое зеркало, вдѣланное въ четыреугольную раму; не широкіе, но мягкіе диванчики были сдѣланы вокругъ стѣнъ и украшены подушками вышитыми по канвѣ, съ гирляндами изъ крупныхъ розъ, на зеленоватомъ грунтѣ; въ срединѣ стоялъ круглый столъ съ рѣзными ножками, которыя поддерживали львиныя лапы съ золотыми яблоками въ когтяхъ; на полу лежалъ коврикъ, пестрый, но не вышитый, а просто тканый, домашней фабрики. Диванчикъ, на обращенныхъ къ срединѣ комнаты стѣнахъ, оканчивался рѣшеткою изъ балясъ, выкрашенныхъ подъ красное дерево; а подлѣ стояли по одному стулу, просто переплетенному камышемъ Въ комнатѣ передъ диванчикомъ были два окна, а въ простѣнкѣ ихъ еще третье зеркало, довольно большое, подъ которымъ небольшой столикъ и на немъ поставлена какъ украшеніе старины, очень замысло-

вато сдѣланная изъ серебряннаго филиграна странная фигура съ деревьями, цвѣтами, райскими птичками, скалою, и даже внизу посажено нѣсколько грибовъ съ разноцвѣтными шляпками.

Изъ этой горницы проходили въ столовую, также небольшую, съ тремя окнами дававшими въ садъ; посрединѣ ея стоялъ раздвижной краснаго дерева столъ; стѣны были украшены фамильными портретами, во весь ростъ; въ углу стояло фортепіано.

Вотъ мы разсмотрѣли комнаты передняго фасада, небольшія, довольно низкія; но бель-этажъ былъ подъ ними и тамъ уже являлось все великолѣпіе старинныхъ украшеній; всѣ горницы съ огромными окнами, стѣны которыхъ были покрыты мраморомъ, штофными шелковыми обоями разнаго цвѣта и съ раззолоченными мебелями; въ гостинной кресла были старинной формы: у нихъ вмѣсто спинки, деревянные позолоченные лебеди переплетались крыльями, длинныя же ихъ шеи составляли ручки креселъ; головы лебедей были опущены и они имѣли видъ, какъ будто пьютъ въ золотыхъ блюдечкакъ. — Таковы были затѣи старины. А весь этотъ домъ или замокъ, столько имѣлъ лѣстницъ, переходовъ, и свѣтлыхъ и темныхъ, что походилъ на одно изъ тѣхъ старинныхъ строеній, которыя столь же старинная англійская писательница леди Радклифъ любила подробно и страшно описывать.

Но кто жители этого страннаго и великолѣпнаго замка? Какъ встрѣчаютъ они новый годъ?

Мы входимъ въ залу, слышно пѣніе многихъ голосовъ, но не романсовъ и не пѣсней, а величественные гимны церковнаго напѣва поражаютъ слухъ нашъ пріятнымъ удивленіемъ; потому что мы недавно слышали оглушительный оркестръ бальной музыки... Здѣсь не то! Здѣсь не стучатъ въ уши литавры и барабаны; напротивъ, тихое, согласное пѣніе возвышаетъ душу и осѣняетъ ее какимъ то спокойствіемъ, какой то неземной отрадой;—это всенощная! Вотъ какъ встрѣчаютъ здѣсь новый годъ.

Очень большой, украшенный драгоцѣнными камнями образъ Божіей Матери, Заступницы всѣхъ христіанъ, поставленъ въ переднемъ углу на столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью; зажженныя передъ нимъ восковыя свѣчи придаютъ сіяніе золоту и бриллiантамъ, которые горятъ разноцвѣтными искрами, на земномъ украшеніи неземнаго величія!

Впереди всѣхъ стоитъ бодро и прямо, ни на что не опираясь, уже очень пожилая почтенная дама высокаго роста, стройная и прямая, съ виду какъ бы далеко еще недостигшая своихъ семидесяти лѣтъ. Но величественная осанка, правильныя черты лица, очень живо еще обозначающія необыкновенную красоту, удивляя каждаго, невольно привлекаютъ взоры! Это хозяйка дома, вдова нѣкогда знаменитаго

мужа, извѣстнаго каждому русскому, какъ добродѣтелями своими такъ и превосходными стихотвореніями. Позади почтенной хозяйки, вокругъ всѣхъ стѣнъ множество людей всякаго возраста. Всѣ вообще хорошо одѣты, а нѣкоторые помоложе даже со всѣми затѣями роскоши и моды. Видно, что это общество принадлежитъ къ высшему кругу. Но еще подалѣе въ углубленіи передней горницы и темнаго корридора, примыкающаго къ залѣ, находится многочисленное собраніе слугъ и служанокъ, также всякаго возраста, даже и съ ребятами.

Всенощная продолжалась; все это многолюдное общество молилось и — молилось усердно. Примѣръ всѣмъ подавала стоявшая впереди неутомимая старушка, хозяйка дома, окруженная своими родными, друзьями и членами многочисленной своей прислуги, по старинному русскому обыкновенію.

Видно было, что здѣсь величіе земное, со всѣмъ къ нему должнымъ уваженіемъ, не отуманивало никого своимъ минутнымъ блескомъ и не отнимало истиннаго свѣта величія небеснаго!

Усердная молитва возносилась изъ всѣхъ сердецъ, съ братскимъ единодушіемъ; всѣ благодарили Бога, за благополучное окончаніе протекшаго года и просили благословенія и помощи на будущее время, уже наступающаго новаго года!

Всенощная кончилась, священникъ и дьяконъ съ

своимъ причтомъ, съ благоговѣніемъ подняли образъ и понесли съ крыльца; все общество, предводимое хозяйкою дома, послѣдовало за ними, до самой кареты, запряженной отличною четверней, съ двумя лакеями въ богатой ливреѣ. Священникъ, поставивъ святую икону въ карету, повезъ ее въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ Радости, откуда и былъ привезенъ этотъ чудотворный образъ.

Возвратясь въ комнаты, все общество обступило хозяйку, начались поздравленія, и истинно искреннія желанія здоровья и счастія на новый годъ. Какъ то случилось, что священники запоздали своимъ пріѣздомъ и 12 часовъ пробило, во время службы; но никто не шевельнулся съ своего мѣста, такъ понимали всѣ, зачѣмъ они тутъ собрались и что во время молитвы все земное должно исчезнуть! Послѣ же, всѣ принялись обниматься, цѣловаться, какъ самые ближніе, какъ сестры и братья. Всѣ знали другъ друга съ малолѣтства до старости; скрытности тутъ не могло быть; всякій говорилъ то, что думалъ; всѣ смѣялись, шутили, общее удовольствіе было написано на всѣхъ лицахъ; почтенная хозяйка не мѣшала этой шумной радости, она любила, чтобы у нея въ домѣ всѣ были веселы.

Къ тому же еще у всей этой многочисленной родни, было обыкновеніе приносить подарки почтенной сестрицѣ, тетушкѣ и бабушкѣ, кому она

какъ по родству приходилась; но только не иначе, какъ собственной *своей работы*, другихъ она не принимала! Даже мужчины, всякій, что могъ, или чертилъ планъ какого нибудь строенія, заказанный хозяйкою дома, большой охотницею до всякихъ построекъ, или рисовалъ видъ какой нибудь любимой ею мѣстности, и тому подобное; или же представлялъ модель какихъ нибудь машинъ и агрономическихъ орудій; все это она чрезвычайно любила! Женщины же подносили всякаго рода рукодѣлья; даже цѣлыя дюжины простыхъ чепчиковъ для домашняго употребленія, *собственной своей* работы, или шемизетки, косыночки особеннаго для нея покроя, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, кисейныя, тюлевыя, съ кружевами и безъ кружевъ; вышитыя по канвѣ подушки, скамеечки, вязанные кошельки; а иногда и что нибудь очень богатое, напримѣръ украшеніе въ ея деревенскую церковь. Она все принимала съ равною ласкою; благодарила отъ души, и всякій утѣшался тѣмъ, что угодилъ ей больше другаго! При этомъ начинались забавные споры, чей подарокъ лучше, смѣхъ и разные анекдоты на счетъ того, кто почему не поспѣлъ, или неудачно сдѣлалъ; но все это происходило мирно, безъ всякихъ колкостей и оканчивалось обыкновенно поцѣлуемъ одного другому. Это прекрасное и удивительное миролюбіе являлось именно отъ того, что глава всѣхъ, достойно ува-

жаемая хозяйка этого дома, была такого удивительнаго свойства, что проживъ уже столь длинный вѣкъ, никогда и ни про кого не говорила дурно и всегда защищала отсутствующаго, повторяя, что мы не знаемъ, точно ли такъ это было, или иначе; а съ такимъ свойствомъ она не любила и тѣни злословія, являлась какъ древній патріархъ въ обширной семьѣ своихъ племянниковъ, племянницъ, внуковъ и внучекъ, даже правнуковъ! Такъ умѣла она возстановлять согласіе въ семействахъ; такъ мирила всѣхъ своими совѣтами, что точно, какъ не многолюдно было родство ея, она такъ умѣла слить разныя мнѣнія въ одну черту дружеской связи, что общій миръ царствовалъ въ этихъ разнохарактерныхъ душахъ, и домъ ея былъ соединеніемъ всѣхъ разногласій; ежели и ссорились иногда внѣ его, то въ немъ братская любовь снова возстановлялась.

Итакъ здѣсь мы видѣли *истинно* веселыхъ людей, хотя благочестивая старушка не позволяла затѣвать бала наканунѣ новаго года. Она говорила, что во первыхъ, это вечеръ — Василія Великаго, котораго должно почитать, какъ великаго свѣтильника христіанской вѣры и привѣтствовать Его память, не пляскою, а молитвой! во вторыхъ, что это начало новаго лѣта. «Конечно, все это мало значитъ, прибавляла она, для того, кто живетъ, не думая ни о прошедшемъ, ни о настоящемъ, ни о будущемъ;

то есть кто ни о чемъ не думаетъ и есть нуль между живыми существами... Но человѣкъ, одаренный разсудкомъ, чувствомъ и совѣстію, думая о прошедшемъ, благодаритъ Бога за посланныя ему блага и смиряется передъ Нимъ, вспоминая дни скорби, будучи твердо увѣренъ, что все служитъ къ нашей пользѣ! Въ настоящемъ старается онъ стоять твердо на прямой дорогѣ, не уклоняясь съ нея, ни на право, ни на лѣво; а въ будущемъ, совершенно неизвѣстномъ ему, возлагаетъ упованіе свое на Бога, какъ на существо всевѣдущее и милосердное! Согласитесь сами, что навѣрное человѣкъ при такихъ мысляхъ, если будетъ замѣчать окончаніе стараго и наступленіе новаго года, то разумѣется не захочетъ убить время подобнаго вечера, въ пустой забавѣ людей праздныхъ, а лучше постарается помолиться хорошенько Богу, чтобы Онъ благословилъ неизвѣстное еще ему—новое лѣто!»

Такъ всегда говорила эта благочестивая и мудрая старушка и наставляла своимъ примѣромъ и совѣтами, всю многочисленную родню свою, пожилыхъ, молодыхъ и дѣтей!

Вотъ какую встрѣчу новаго года привелось намъ видѣть, друзья мои! Долго, долго мы объ ней не забудемъ, и постараемся подражать столь привлекательному примѣру.

4*

ПЯТАЯ ВСТРѢЧА

НОВАГО ГОДА.

КАКЪ ДОЛЖНО ЖИТЬ.

Заберемтесь, друзья мои, на Васильевскій островъ, въ Коломню, на Петербургскую, или Выборгскую сторону,—куда нибудь въ одно изъ этихъ отдаленныхъ мѣстъ нашей столицы! Выберемъ на удачу чье нибудь жилище и войдемъ въ него.

Вотъ пространный, одноэтажный домъ, съ правильнымъ фасадомъ на улицу; но за то съ другой стороны, что это за странные флигеля, пристройки, то съ одного бока, то съ другаго, безъ всякой симметріи? О правилахъ архитектуры, уже и не спрашивайте! Видно, что хозяинъ не занимался такой мелочью,—почитая всѣ внѣшнія украшенія пустыми, и думалъ только о пользѣ своего семейства, которое, по всему, должно быть довольно многочисленно,

и по мѣрѣ нужды, пристроивалъ къ заднему фасаду своего дома, то небольшой флигель, то двѣ, или даже одну комнату; по счастію, обширное мѣсто, подъ этимъ строеніемъ, было въ одной изъ отдаленныхъ частей города, а потому строгая полиція и не видала или оставляла безъ вниманія этотъ новѣйшій Ватиканъ, среди столицы, знаменитой изяществомъ зданій всякаго рода.

Любопытно посмотрѣть на тѣхъ, кто тамъ живетъ и особливо, какъ встрѣчаютъ они новый годъ?

Для того, друзья мои, способъ, который употребляли мы, переходя изъ дома въ домъ, употребимъ здѣсь въ подробнѣйшемъ изслѣдованіи, и, однажды вступивъ въ это удивительное строеніе, войдемъ въ каждую отдѣльную комнату; времени у насъ еще много; мы начинаемъ здѣсь съ утра, и надѣюсь, что успѣемъ обойти и осмотрѣть все—къ полуночи.

Невысокая лѣстница привела насъ въ переднюю; тутъ не видно большой прислуги, одинъ мальчикъ отворилъ намъ дверь. Войдемъ въ залу; здѣсь у окна сидитъ старикъ съ очками на носу; у него довольно строгая наружность; онъ разбираетъ про себя какую то крупнонапечатанную книгу и покачиваетъ головою, какъ будто недоволенъ прочитаннымъ.

Вотъ, такъ называемая, гостиная; здѣсь уже совсѣмъ никого нѣтъ;—пройдемте въ угловую, тутъ поставленъ письменный столъ довольно большой, и

на немъ множество казенныхъ бумагъ, какъ видно по формату, по гербамъ и печатямъ. Кругомъ стѣнъ, въ простыхъ выкрашенныхъ шкафахъ довольное количество книгъ, также всякаго формата. На верху шкафовъ вмѣсто украшеній поставлены бюсты: Державина, Карамзина, Гнѣдича, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и другихъ знаменитыхъ литераторовъ русскихъ. Хозяинъ долженъ быть прежней школы, религіозно-нравственнаго направленія, съ чистотою мыслей, слога и вкуса!—Онъ вѣрно придерживается старины?—Это не мѣшаетъ!—Если онъ умѣетъ цѣнить все возвышенное и благородное въ прошедшемъ, то безъ сомнѣнія найдетъ его и въ настоящемъ, откинувъ противное тому, то есть все низкое и порочное. Каждый вѣкъ, по слабости человѣческой, приноситъ то и другое! надобно только умѣть отыскать драгоцѣнный металлъ въ песчаныхъ розсыпяхъ и не принимать тусклый блескъ мѣдной руды, за настоящее золото, а олово за серебро!

Но полно! Бюсты великихъ писателей нашихъ завлекли насъ далеко!—Поищемъ хозяина этой комнаты; это кажется кабинетъ ученаго, или какого нибудь многопишущаго чиновника.

А вотъ и самъ онъ сидитъ подлѣ письменнаго стола, такъ углубленный въ свои занятія, что совсѣмъ не примѣчаетъ, что вокругъ него дѣлается. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ; онъ еще свѣжъ, средняго роста,

довольно ровнаго сложенія, не толстъ и не худъ; сидитъ прямо, какъ всѣ старинные люди, не любившіе себя нѣжить, и оттого сохранявшіеся въ полной бодрости, до преклонныхъ лѣтъ! Глаза у него красные; видно, что онъ работаетъ уже давно, можетъ быть и всю ночь не спалъ!—Не будемъ мѣшать ему, онъ конечно занятъ именно тѣмъ дѣломъ, чтобы отъ мѣди отличить золото, т. е. отыскать правду въ цѣлой кипѣ бумажной неправды, и спасти невиннаго!

Но изъ пустой гостиной еще дверь, которая ведетъ въ другія внутреннія комнаты. Вотъ большая горница съ четырмя окнами на дворъ; посрединѣ ея, поставленъ продолговатый столъ, за которымъ сидитъ множество дѣвочекъ маленькихъ и побольше, очень просто и даже бѣдно одѣтыхъ. Книги, тетради, грифельныя доски показываютъ, что онѣ учатся, и вотъ ихъ преподавательница, молодая дѣвушка лѣтъ 18-ти, съ пріятной, кроткой физіономіей.—Всѣ онѣ обращаются къ ней съ вопросами, она имъ толкуетъ, разсказываетъ очень ласково, и дѣвочки слушаютъ ее съ большимъ вниманіемъ.

Это Вѣрочка, одна изъ дочерей почтеннаго чиновника, сидящаго въ кабинетѣ; она учитъ даромъ бѣдныхъ дѣвочекъ, почти нищихъ, которыя приходятъ къ ней по утрамъ. Истинно доброе дѣло!—Но чему же она учитъ? Закону Божію, читать и пи-

сать по русски, первымъ правиламъ ариѳметики и рукодѣльямъ; на это у нея назначены особые часы.

Замѣтьте, эта милая дѣвушка занята такимъ образомъ, даже и 31 декабря. Слѣдовательно, ей некогда думать ни о нарядахъ, ни о пріемѣ посѣтителей съ поздравительными визитами, на завтрашній день; не обращая вниманія на эту пустошь жизни, скромная Вѣрочка занята настоящимъ дѣломъ—пользою своему ближнему!

Пойдемте далѣе по корридору; вотъ комната въ сторонѣ, кажется спальная, отгороженная ширмами; въ ней сидитъ на диванѣ, не столько лѣтами, какъ слабымъ и болѣзненнымъ состояніемъ довольно повидимому устарѣлая женщина и со вниманіемъ читаетъ разогнутую передъ ней, большаго формата книгу, кажется Библію, или Житіе Святыхъ—прекрасное занятіе по утру!—она чрезвычайно углублена въ свое чтеніе. Но вдругъ въ сосѣдней горницѣ что-то зашумѣло, похоже какъ бы тащили какую нибудь громоздкую вещь, и вскорѣ изъ-за ширмъ выглянула высокая, очень здоровая женщина и спросила:

— Вы однѣ, Ольга Михайловна?

— Одна, Ѳеклуша, что тебѣ надобно?

— А вотъ я принесла вамъ показать. И съ этимъ словомъ вытащила она обѣими руками большую корзинку, покрытую чистымъ полотенцемъ.

— А! ужъ готово! Хорошо, покажи мнѣ.

Ѳеклуша сняла полотенце, и что же въ корзинѣ? Не букеты цвѣтовъ и не кисти спѣлаго винограда, нѣтъ! вся она наполнена пирогами большаго объема.

— Съ чѣмъ они, Ѳеклуша?

— Съ говядиной, сударыня! какъ теперь дни скоромные, то я и разсудила, что намъ простымъ людямъ вкуснѣе всего и здоровѣе мясное кушанье; для того и начинила всѣ пироги рубленной говядиной, съ лукомъ, да съ перцемъ, что разумѣется очень вкусно!

— Не сомнѣваюсь въ этомъ; ты, добрая Ѳеклуша, мастерица своего дѣла; передай ихъ Ивану и вели отнести къ завтрашнему дню, въ городскую тюрьму. Пусть и провинившіеся люди, пусть и преступники кушаютъ на здоровье и помолятся, чтобы Господь благословилъ нашего добраго имянинника Василья Александровича, а для людей нашихъ, я надѣюсь, также все уже готово?

— Какъ же, матушка, и для нихъ напечено, да нажарено; безъ этого ужъ нельзя; разумѣется имъ первымъ слѣдуетъ праздновать имянины барина, да еще какого добраго барина!

— Хорошо, Ѳеклуша; спасибо, что исправна всегда въ своей должности. Господь наградитъ тебя за это.

Только, что кухарка протѣснилась обратно за ширмы, съ своими пирогами, какъ вошла въ комнату

дѣвушка не молодыхъ лѣтъ, высокаго роста и благородной осанки, но не нарядно одѣтая, въ простомъ, довольно поношенномъ капотѣ и такой же незатѣйной шляпкѣ.

— А! сестрица Варенька! сказала Ольга Михайловна; поди скорѣе, поцѣлуй меня, вотъ уже два дня, какъ мы не видались!

— Боюсь, не холодна ли я, милая сестрица? сію минуту пріѣхала; на дворѣ большой морозъ!

— Ничего, душа моя; я теперь слава Богу здорова. Ну! что твоя больная?

— Благодареніе Господу! ей гораздо лучше и добрый нашъ Карлъ Ивановичъ сказалъ, что уже совсѣмъ вышла она изъ опасности.

— Ну! я очень рада, какъ за нее, такъ и за тебя...

— А за меня то почему?

— Потому, душа моя, что ты измучилась—больше десяти ночей не раздѣвалась и не спала.

— Есть объ чемъ говорить, сестрица! вотъ теперь высплюсь и буду конь конемъ!

— Да, хорошъ конь! не забудь, что вѣдь и ты уже не молоденькая...

— Тѣмъ меньше должно беречь себя! и слѣдуетъ благодарить Бога, что Онъ послалъ случай быть хоть немного полезной своему ближнему; не вѣки жить здѣсь, душа моя, надобно запасти сколько нибудь и туда, откуда уже нѣтъ возврату.

— Согласна съ тобою, другъ мой! подкрѣпи Господь твои силы. Но гдѣ же дѣти? что я ихъ не вижу?

— Они скоро будутъ, я послала няню за ними, а Соничку я привезла сама и положила спать.

— Сани готовы, Варвара Александровна, сказала горничная дѣвочка, заглядывая въ дверь.

— Куда это опять, сестрица? сказала Ольга Михайловна; а я думала и тебя уложить спать, чтобъ ты отдохнула до обѣда.

— Я не устала, душа моя, не безпокойся. Видишь, Иванъ говоритъ, что ему некогда сегодня, надобно приготовить все къ вечеру; то я и разсудила замѣнить его, сама возьму пироги и свезу ихъ въ тюрьму, надобно мнѣ еще тамъ провѣдать, былъ ли священникъ у одного очень несчастнаго колодника, который долго не хотѣлъ принести никакого покаянія; а послѣ вдругъ пришелъ въ себя и самъ сталъ просить, чтобы его исповѣдали и причастили.

— Я думаю, ты же склонила его къ тому?

— Я, или другой кто, это все равно, сестрица; но чрезмѣрно утѣшительно видѣть, что христіанская душа не погибнетъ, а спасется! Вотъ, что мнѣ хочется узнать! надѣюсь, что милосердый Господь, допуститъ его до такого великаго дѣла.

— Помогай тебѣ Богъ! милая сестра, сказала Ольга Михайловна, обнявъ любезную свою Вареньку;

онѣ были чрезвычайно дружны. Та уѣхала, а она снова принялась за свою книгу.

Но не прошло и получаса, какъ снова дверь отворилась и въ сопровожденіи няни вошли двѣ молоденькія дѣвочки лѣтъ 12 и 13, также не нарядно одѣтыя, въ простыхъ шерстяныхъ платьяхъ и шляпкахъ, уже далеко не новыхъ; но розовыя ихъ щечки отъ мороза, или здороваго сложенія, къ тому веселые, живые глаза, украшали ихъ чрезвычайно. Совсѣмъ не похоже было, что онѣ пріѣхали отъ постели больной, а какъ будто явились сюда изъ какого нибудь веселаго собранія: ни малѣйшей усталости, ни утомленія не было на этихъ свѣжихъ личикахъ.

Онѣ подошли къ Ольгѣ Михайловнѣ, поцѣловали у нея руку; она, приласкавъ ихъ, сказала:

— Здравствуйте, мои милыя Надя и Любинька! Я слышала, что больной вашей лучше.

— Гораздо лучше, милая маменька, отвѣчали онѣ; сегодня уже покушала она немного супу.

— Слава Богу! ну теперь вы пріѣхали домой и можете лечь и заснуть немного.

— Мы совсѣмъ не хотимъ спать, дружекъ нашъ мамаша! и нисколько не устали; тетинька такъ берегла насъ, что не позволяла сидѣть ночью всѣмъ вдругъ, а поочередно, и мы перемѣнялись.

— Конечно, въ другое время нечего бы и замѣ-

чать; но сегодня такой вечеръ, въ который вы не захотите лечь рано, а будете дожидаться новаго года, то и совѣтую вамъ отдохнуть теперь.

— Если вы приказываете, милая маменька, мы сейчасъ пойдемъ; Соничька давно уже спитъ.

— Подите, подите, я приказываю!

— Да! да, матушка Ольга Михайловна, прикажите барышнямъ раздѣться и лечь въ постельки, чтобы отдохнуть хорошенько! подтвердила пріѣхавшая съ ними няня, худенькая, сгорбленная старушка, повязанная черным платкомъ, въ накинутой на плечи коротенькой шубенкѣ.

Она была нянюшка не только молоденькихъ барышень, но и самой Ольги Михайловны; ей было уже за 70 лѣтъ, но удивительно бодра и проворна казалась эта старушка. Между тѣмъ дѣвочки, поцѣловавъ еще руки матери, удалились.

— Да, очень хорошо, сударыня, что ты ихъ послала спать! повторила еще нянюшка и мальга-то Соничька, туда же суетилась! представь, матушка, всю-то ноченьку сидѣли у кровати больной Кузминишны, да еще и не родственницы какой нибудь, а изъ нашего простаго быту женщины, нищей!

— Развѣ это не все равно, милая няня? Кто страдаетъ, тотъ и есть ближній нашъ.

— Да, да, мое сокровище! оно такъ-то, такъ! да вѣдь боязно мнѣ, чтобы не занемогли.

— И, нѣтъ, Прохоровна! При этомъ Господь посылаетъ силы.

— Оно и точно! потому что какъ бы иначе такимъ молоденькимъ выдержать безъ сна всю ночь? Да еще какъ ласково и осторожно обходятся онѣ съ больной, что не налюбуешься! Откуда то, Господь послалъ имъ такой умъ разумъ и умѣнье? — Да вѣдь и всѣ то дѣтки твои такія; вотъ хоть бы Алеша! вѣдь онъ заботится какъ отецъ о мальчикахъ, отданныхъ въ ученье, которыхъ еще самъ вразумилъ знать и грамоту; и Вася и Костя, да и большой то, офицеръ Николай Васильевичъ, всѣ они, до больныхъ и до бѣдныхъ куда жалостливы! ужъ чѣмъ то чѣмъ не утѣшатъ и сиротокъ во флигелѣ... и съ нами то, служителями своими, обходятся учтиво, да ласково: никогда не приказываютъ, а всегда въ честь попросятъ, что нибудь сдѣлать. Да! точно можно сказать, что наградилъ тебя Богъ, дорогая моя Ольга Михайловна, такими дѣтками, какихъ и желать лучше не можно!... Охти мнѣ! А я то, грѣшница, сколько рвалась, да плакала, что ты, моя голубушка, добровольно пошла замужъ за бѣднаго жениха! Тогда вѣдь Василій то Александрычъ, былъ еще простой офицеръ; ну вотъ теперь другое дѣло! онъ ужъ генералъ, да еще какъ вырядится въ праздникъ, надѣнетъ свои ленты, да звѣзды, да кресты золотые съ бриліантами, на разноцвѣтныхъ ленточкахъ, то, конечно, заглядѣнье! У меня такъ сердце и радуется. А прежде я, старая дура! желая тебѣ женишка богатаго, графа или князя, не осушала глазъ своихъ; за то теперь каждый день, утро и вечеръ, благодарю Господа Бога, что Онъ не поглядѣлъ на мои горькія слезы, а сдѣлалъ по Своей великой премудрости и наградилъ тебя, мое сокровище, такимъ добрымъ и умнымъ бариномъ, что не въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Да и вся то семья точно благословенная: и золовушки твои, изволь подумать, любятъ тебя и берегутъ какъ сестру родную! Да, общимъ словомъ сказать, что и во всемъ свѣтѣ такихъ господъ не отыщешь!...

— Анисья Прохоровна! а Анисья Прохоровна; шепталъ тоненькій голосокъ за ширмами.

— Тебя кличутъ, милая няня! сказала Ольга Михайловна, не безъ удовольствія слушавшая откровенную болтовню старухи.

— Ну! что тамъ понадобилось? спросила послѣдняя, оборотясь къ ширмамъ.

Маленькая дѣвочка, выступивъ изъ за ширмъ, отвѣчала: «Иванъ Алексѣичъ проситъ у васъ ключь отъ кладовой.»

— На что ему?

— Иванъ Алексѣичъ говоритъ-съ, что надобно вынуть хорошія чашки и два большіе подноса къ вечеру.

— Къ чему это, два подноса?

— Онъ говоритъ-съ, Анисья Прохоровна, что на одномъ подавать чай, а на другой разложить фрукты и виноградъ.

— Пусть подождетъ; еще долго до вечера.

— Иванъ Алексѣичъ сердится и говоритъ, что ему некогда ждать-съ, что у него много другаго дѣла-съ.

— Ну! ему всегда кажется, что нивѣсть какъ занятъ!

— Конечно, милая няня; онъ одинъ у насъ буфетчикъ, а семья наша не маленькая, сказала Ольга Михайловна.

— Да, сударыня, ты готова баловать всякаго! А что ваша семья? много ли требуетъ уходу отъ насъ служителей вашихъ? Вы всѣ такіе, Богъ съ вами! добрые, да не лѣнивые, что почитай и все дѣлаете сами. Видала я другихъ господъ! Барыня то спитъ, да полеживаетъ до полдня, когда ужъ добрые люди, наработавшись, садятся обѣдать! а когда встанетъ, то и пойдутъ позвонки: то подай дѣвушка, или человѣкъ, платокъ, или флакончикъ съ духами, съ другаго стола; не хочетъ и руки то протянуть, чтобы взять самой? а посмотришь чѣмъ занята? сидитъ утонувши въ мягкихъ креслахъ, да зѣваетъ отъ скуки, или читаетъ книжку... да лихъ не святую! а какія то, какъ

бишь ихъ называютъ, романы что ли?, въ которыхъ говорятъ, ужасть сколько всякаго вздору написано! А между тѣмъ бѣдные лакеи, да дѣвушки, сколько лишнихъ башмаковъ, да сапоговъ износятъ съ ея безпрестанными позвонками!

— Анисья Прохоровна! раздался сильный голосъ за ширмами.

— Ну! ужъ самъ пришелъ! бѣжать поскорѣе, а то осерчаетъ больно. Простите, матушка Ольга Михайловна, позвольте другой разъ придти.

— Приходи когда вздумаешь, милая няня.

— Хорошо, мое сокровище! а теперь бѣгу! бѣгу! — А ужъ какъ отрадно разговаривать съ тобою, мое сокровище!... Охъ, ужъ мнѣ этотъ Иванъ!

— Въ другой разъ, милая нянюшка, наговоримся мы вмѣстѣ; мнѣ очень пріятно слушать твои разсказы.

— Ой ли? моя ненаглядная!—За ширмами раздался шумъ.

— Ну! ну! сейчасъ! сейчасъ! — И Прохоровна, постукивая каблучками, скрылась изъ комнаты.

Ольга Михайловна опять разогнула свою книгу и принялась оканчивать, столько уже разъ прерванное чтеніе.

Вотъ мы теперь познакомились съ нѣкоторыми лицами изъ семьи и можемъ судить, въ какомъ направленіи проводятъ они жизнь свою, безспорно

незатѣйную, — но, если смѣемъ сказать, то въ самой лучшей простотѣ, какую только пожелать можно.

И такъ, друзья мои, помедлимъ въ этомъ домѣ, достойномъ подражанія, и продолжая обзоръ нашъ, выйдемъ на обширный дворъ и полюбуемся чудными пристройками.

Вотъ одна комната придѣлана къ лѣвой сторонѣ дома; вотъ двѣ другія, довольно большія, приставлены къ правой, а вотъ еще и цѣлый флигель примкнутъ къ рѣшеткѣ, отгораживающей садъ.

Войдемъ въ первую комнату. Въ ней живетъ хромой, изувѣченный старичекъ, какой-то странникъ, который пріѣхалъ съ попутчиками изъ Симбирска, и нечаянно зашелъ въ этотъ домъ просить милостыни; здѣсь добрые люди его приняли, обласкали и ему такъ понравилось, что онъ сталъ просить Христа-ради оставить его жить съ ними, говоря, что у него нѣтъ ни рода, ни племени и что ходить по міру съ больными ногами очень трудно. Для добрыхъ нашихъ хозяевъ, слишкомъ были достаточны подобныя причины, чтобы принять его къ себѣ, и какъ въ домѣ не было тогда особенной горницы для старика, гдѣ бы онъ могъ жить спокойно, то Василій Александровичъ и велѣлъ пристроить эту горницу, сдѣлать въ ней русскую печь съ лежанкой; однимъ словомъ сдѣлать все по обычаю простыхъ людей; старикъ этотъ какой-то бѣдный мѣщанинъ,

и вотъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ у нихъ. Какъ старшіе въ семействѣ, такъ и молодые часто посѣщаютъ его и приносятъ ему всегда большое утѣшеніе, ласковыми словами и бесѣдой съ бѣднымъ страдальцемъ, который уже другой годъ лежитъ недвижимъ на кровати; а иногда даже и небольшимъ подаркомъ утѣшаютъ его какъ ребенка! На счетъ пищи и одежды, разумѣется онъ обезпеченъ совершенно; также заботятся и о томъ, чтобы какъ бѣлье на немъ, такъ и въ горницѣ было бы чисто. По сосѣдству къ нему помѣщенъ другой старикъ, котораго видѣли мы въ залѣ; это небогатый дворянинъ, онъ присчитывается въ родню хозяевамъ, хотя ведетъ эту линію отъ Адама. Онъ также нечаянно попалъ къ нимъ, изъ теплаго климата, и потому теперь всѣмъ недоволенъ, сердится на сѣверную зиму и ворчитъ на холодное лѣто; даже ни одна книга не можетъ угодить ему; онъ во всѣмъ находитъ что нибудь не по немъ, потому именно, что самъ очень строптиваго нрава, но однако добрые хозяева и этого волка обратятъ со временемъ, въ смирную овечку.

Хорошо! посмотримъ теперь кто живетъ въ двухъ большихъ пристроенныхъ горницахъ? — Тутъ находится цѣлое семейство, очень близкихъ хозяевамъ людей. Двоюродная племянница Ольги Михайловны сирота, вышла замужъ за одного очень

бѣднаго дворянина, служившаго гдѣ то на Кавказѣ; тамъ еще жили они кое-какъ, пока служилъ мужъ ея, но онъ потомъ умеръ, оставя жену съ четырьмя дѣтьми и безъ куска хлѣба. — Въ такой крайности, къ кому прибѣгнуть какъ не къ доброму дядюшкѣ Василью Александровичу? Бѣдная эта вдова описала ему свое горькое положеніе, и онъ велѣлъ ей пріѣхать къ себѣ, пославъ и денегъ на дорогу; а между тѣмъ, видя, что въ домѣ ихъ нельзя помѣстить цѣлую семью прибылыхъ людей, тотчасъ нанялъ работниковъ и велѣлъ пристроить двѣ большія комнаты, которыя, будучи перегоржены, образовали четыре, и племянница съ дѣтьми очень хорошо помѣстилась.—Конечно очень трудно было Василью Александровичу, который былъ самъ небогатъ, содержать еще цѣлую семью; за то онъ уже служилъ безъ отдыха и Господь помогалъ ему, что называется, сводить концы съ концами.

Вотъ еще отдѣльный флигель на дворѣ, гдѣ живутъ дворовые люди. Хозяева этого дома таковы, что о прислугѣ своей заботятся, какъ о родныхъ дѣтяхъ, и устроивъ слугамъ теплое помѣщеніе, наблюдаютъ, чтобы пища ихъ была въ достаточномъ количествѣ и здороваго качества, также и одежда соотвѣтствовала бы временамъ года; словомъ, дворовые люди составляли также часть семьи ихъ и благодарность съ одной стороны, а покровительство съ другой

связывало тѣхъ и другихъ взаимной любовію, такъ что Василій Александровичъ, былъ настоящій древній патріархъ въ домѣ своемъ.

Однако, снаружи видно, что и этотъ людской флигель не остался безъ пристройки: и тутъ приставлена горница съ перегородкою.—Кто же занимаетъ ее?—Узнаемъ сейчасъ!

Видите, одна изъ сестрицъ хозяина, также дѣвушка немолодая, накрывъ голову и плечи большимъ шерстянымъ платкомъ, подобравъ немного платье, пробирается по стѣнкѣ, около двора, занесеннаго, недавно выпавшимъ снѣгомъ; она идетъ прямо къ пристройкѣ флигеля. Послѣдуемъ за нею.— Что это? Какое множество маленькихъ ребятишекъ выбѣжало на крыльцо, къ ней на встрѣчу? Радость одушевляетъ этотъ маленькій народъ; всѣ говорятъ вдругъ, всѣ что-то разсказываютъ, но невозможно понять ничего! и уже Прасковья Александровна, желая укротить этотъ чрезмѣрный восторгъ, велѣла имъ идти въ горницу и сама послѣдовала за ними, строго запретивъ прыгать и скакать, а, приказывая усѣсться смирно, и чтобы одинъ изъ нихъ разсказалъ что съ ними случилось?

— Недавно, передъ тѣмъ, какъ вамъ придти, милая маменька (такъ называютъ они свою благодѣтельницу), началъ одинъ изъ мальчиковъ, пришелъ къ намъ какой-то незнакомый человѣкъ и спро-

силъ, скоро ли вы придете?: мы отвѣчали, что ждемъ васъ. Тогда онъ вынулъ изъ кармана запечатанное письмо, подалъ мнѣ какъ старшему и сказалъ: «Вотъ вамъ всѣмъ подарокъ на новый годъ»! Потомъ онъ спросилъ, какъ меня зовутъ; я сказалъ, и онъ прибавилъ: смотри же, Петруша, береги это письмо и тотчасъ передай его изъ рукъ въ руки, благодѣтельницѣ вашей; а вы, дѣти, не смѣйте до него касаться»! Сказавъ это, онъ ушелъ, а я тотчасъ положилъ письмо на средину большаго стола...

— И мы только смотрѣли на него, милая маминька, а не смѣли дотронуться!

— Только издали посылали ему поцѣлуи ручкою! прибавили меньшіе.—Всеобщая радость опять вышла изъ предѣловъ, всѣ принялись прыгать около стола, гдѣ лежалъ таинственный пакетъ и громкія восклицанія шли кресчендо.

— Тише, дѣти! тише! говорила Прасковья Александровна и будучи сама очень веселаго нрава, не могла не улыбаться, смотря на ихъ радость, что ободряло ихъ и они начинали шумѣть еще больше.

— Я приказываю молчать! сказала она строго. И все утихло.

— Зачѣмъ же вы не спросили, кто именно прислалъ вамъ такой подарокъ?

— Мы спрашивали! всѣ, всѣ спрашивали, да онъ не хотѣлъ сказать и только уходя примолвилъ:

Богу извѣстно, милыя дѣти, кто вамъ сдѣлалъ добро, а вы только молитесь за раба Божьяго Николая.

— Ну! чтожъ, молились ли вы?

— Молились, милая маменька, молились! такъ сейчасъ и упали на колѣни передъ образомъ!

— А еще баринъ этотъ сказалъ, что въ письмѣ-то положены всѣмъ намъ новыя платья!

— Ну! это немножко мудрено, сказала Прасковья Александровна, распечатывая пакетъ, и нашла въ немъ 100 руб. сер.

— Точно, милыя ребятки, можно будетъ сшить вамъ всѣмъ, по новому платью; да еще и останется на другое, что будетъ вамъ нужно; слава Богу! есть добрые люди на свѣтѣ, которые не забываютъ сиротъ! А вы не забывайте молиться за своихъ благодѣтелей.

— Мы и не забываемъ, и молимся всегда! всегда! кричали дѣти опять всѣ вдругъ; а за васъ, милая маменька, молимся и еще больше!

— Спасибо, друзья мои, спасибо! сядьте къ столу и возмите свои книжки, скоро придетъ учитель вашъ, Васенька; не хорошо, если не будете знать уроки; а мнѣ надобно поспѣшить въ другое мѣсто. Простите, дѣти! При этомъ всѣ кинулись къ ней, хватали ея руки, платье, цѣловали, и она насилу могла вырваться отъ нихъ; сама ласкала каждаго, говоря: Господь съ вами! будьте умны

и сидите смирно.—Такъ говорила добрая Прасковья Александровна, истинная покровительница этихъ бѣдныхъ круглыхъ сиротъ.

Посѣщая однажды, по своему обыкновенію, больницы, она нашла одну несчастную женщину на смертномъ одрѣ, готовую уже предстать Господу. Одно тревожило ея послѣднія минуты—это участь несчастныхъ дѣтей ея, которыхъ не знала кому поручить. Промыслъ милосердаго Бога утѣшилъ умирающую мать, пославъ ей въ этотъ скорбный часъ добрую Прасковью Александровну, которая не отказалась взять сиротъ ея на свое попеченіе и закрыть глаза успокоенной матери; съ той минуты перевезла ихъ къ себѣ, почти въ свою спальню; но какъ тутъ было уже очень тѣсно, то и начали придумывать добрые хозяева какъ бы помѣстить ихъ получше, и Василій Александровичъ употребилъ на то прежнее средство, пристроивъ комнату къ флигелю, перегородилъ ее, и для дѣтей было тамъ очень хорошо.

Васенька, меньшой сынъ Василія Александровича, мальчикъ лѣтъ десяти, училъ старшихъ читать и писать, а меньшихъ забавлялъ игрушками, какія только у него случались. Впрочемъ и всѣ другіе его братья и сестры утѣшали сиротокъ, всякій чѣмъ могъ, а меньшіе приходили играть съ ними.

Однако мы столько употребили времени, на осмотръ дома, что уже день переступилъ за поло-

вину. Утреннія занятія кончились, и вотъ вся семья собралась въ гостиную. Послѣдуемъ и мы туда же. Но какое ихъ множество! Кромѣ отца и матери, тетушки, сестрицы, братцы, племянники и племянницы! Недавно еще пустая гостиная наполнилась совершенно: кто помѣстился на диванѣ у большаго стола, кто у оконъ. Однако это общество и теперь не праздно! Всѣ заняты работою: дамы усердно шьютъ изъ одинакаго голубаго ситца дѣтскія платьицы; всѣ торопятся, хотя видно, что работа уже приходитъ къ концу, потому что остается только пришить завязочки, насадить пуговки.

Сама даже хозяйка дома съ большимъ стараніемъ плететъ на коклюшкахъ плоскій изъ желтой шерсти шнурокъ, и уже нѣсколько клубковъ лежало передъ нею, которые брали швеи и вмѣсто галуновъ обшивали рубашечки для мальчиковъ, а дѣвочкамъ дѣлали изъ него кушачки и пришивали кисточки; работа, что называется, кипѣла! Этимъ были заняты дѣвушки, а братцы ихъ раскрашивали готовыя картины, склеивали домики, вырѣзывали солдатъ и деревья изъ картона. — Все это были подарки для маленькихъ сиротъ, по случаю новаго года.

Когда послѣдній положилъ свою работу въ картонъ, для того поставленный на столъ, Ольга Михайловна спросила: все ли у васъ готово, друзья мои?

— Все, совершенно! отвѣчало ей множество голосовъ.

— Хорошо, мои милые! скоро уже два часа и дорогой нашъ труженикъ Василій Александровичъ скоро перестанетъ работать и придетъ къ намъ, тогда сядемъ обѣдать; вы знаете, какъ онъ любитъ постоянство во всемъ: какъ положено однажды, такъ и должно быть всегда.

Едва сказала она это, какъ дверь изъ кабинета отворилась и почтенный нашъ Василій Александровичъ, усталый отъ умственной работы, но веселый и привѣтливый какъ всегда, присоединился къ своей многочисленной семьѣ. Всѣ отправились въ столовую и сѣли обѣдать, а потому какъ не было тутъ ни затѣйныхъ блюдъ, ни излишняго кушанья, то обѣдъ, хотя вкусный и сытный, не долго продолжался.

Всѣ возвратились въ гостиную, гдѣ каждый спѣшилъ привести въ порядокъ оконченную работу и убрать все излишнее со стола и стульевъ. Василій Александровичъ, смотря на нихъ, задумался и потомъ сказалъ: «Вотъ друзья мои! и годъ уже приходитъ къ концу, какъ ваша работа!—Надобно, чтобы всякій изъ насъ подумалъ, что сдѣлалъ полезнаго, въ теченіи этого времени, что пріобрѣлъ для души и судя потому въ какомъ чувствѣ расположенъ встрѣтить наступающее лѣто, да поможетъ Господь каждому изъ насъ ознаменовать его добрыми дѣлами!»

Такое разсужденіе главы семейства отозвалось въ сердцѣ каждаго, и всякій безмолвно повторилъ ту же молитву къ Богу, въ душѣ своей.

Послѣ того старшіе пошли отдохнуть немного, а потомъ, проворно вставъ, спѣшили одѣться потеплѣе и со всѣмъ семействомъ отправились въ ближнюю церковь ко всенощной на новый годъ; а главное— на большой праздникъ Обрѣзанія Господня и празднованіе св. Василію Великому.

По возвращеніи изъ церкви, нашли они въ залѣ всѣхъ слугъ и служанокъ, которые пришли ихъ поздравить: по ихъ мнѣнію, новый годъ уже начался, потому-что служба на всенощной была уже другаго дня. Добрые господа ласково благодарили всѣхъ; многимъ сдѣлали небольшіе подарки. Когда всѣ люди ушли, пробило десять; двери въ гостиную растворились настежъ и вошло множество мальчиковъ и дѣвочекъ; всѣ одѣты одинаково, въ голубыхъ платьяхъ; эти наряды намъ знакомы: мы видѣли, какъ ихъ дошивали; а теперь украшаютъ они учениц Вѣрочки и учениковъ Алеши, также и маленькихъ сироточекъ Прасковьи Александровны.

Всѣ эти дѣти вошли очень тихо, остановились посрединѣ горницы и запѣли согласнымъ хоромъ, нѣкоторые стихиры праздника. Они могли это сдѣлать, потому-что Вѣрочка и Алексѣй, между прочимъ, учили ихъ и церковному пѣнію, а потомъ уди-

вили они всѣхъ тѣмъ, что запѣли поздравительные стихи собственнаго сочиненія:

И мы, ребятишки,
Поздравлять пришли;
Наши здѣсь умишки
Многое нашли!
Много, что полезно,
Намъ же самимъ!
И за то любезно,
Васъ благодаримъ!
Мы ужъ не невѣжды,
Учимся у васъ;
Новыя одежды
Украшаютъ насъ.
Одноцвѣтны платья
Вашихъ же щедротъ!
Мы какъ сестры — братья,
Въ этотъ новый годъ!
Въ тѣ часы какъ близко,
Полночь на дворѣ,
Кланяемся низко
Вашей мы семьѣ!

При этомъ словѣ, они проворно составили каре какъ солдаты, лицами во всѣ стороны и поклонились въ поясъ. Такимъ образомъ вышло, что поклонъ ихъ былъ, что называется *на всѣ на четыре стороны*, потомъ они запѣли снова:

Всѣхъ васъ поздравляя,
Молимся о томъ,

Чтобъ Творца святая
Милость, съ этимъ днемъ,
Всѣхъ васъ осѣнила
На весь — Новый годъ!
Щедро наградила,
За насъ за сиротъ!
Но какъ мы не сможемъ,
Отплатить потомъ;
То за всѣхъ положимъ
Здѣсь земной поклонъ!

При этомъ всѣ пѣвцы и пѣвицы, выстроясь въ рядъ, обернулись къ образу и поклонились въ землю.

— Спасибо, спасибо! милыя дѣти; благодаримъ васъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ стали ласкать пѣвчихъ, подарили имъ по нѣскольку серебряныхъ денегъ и потомъ повели въ особую горницу, гдѣ напоили ихъ чаемъ и накормили ужиномъ. Между тѣмъ стали съѣзжаться и настоящіе гости, потому что хозяева наши были такого рода люди, которыхъ всѣ искренно любили и оттого многіе съ вечера пріѣзжали, чтобы встрѣтить новый годъ съ ними и поздравить зарапѣе завтрашняго именинника, Василія Александровича.

Гости собрались. Но что это за общество? Разнообразнѣе его, я думаю, не найти во всей столицѣ!

Надобно вамъ разсказать, что вся эта семья, не смотря на безпрестанныя занятія, была такъ госте-

прiимна, что всякiй съ радостiю прiѣзжалъ и приходилъ, къ нимъ какъ точно къ людямъ Божiимъ, которые съ искреннимъ радушiемъ принимали каждаго, не разбирая званiя и положенiя въ свѣтѣ; всѣхъ равно угощали, отъ всего сердца и души. Оттого, между ихъ гостей были и высшаго круга и средняго, всякаго званiя люди; также изъ духовенства и купечества, богатые и бѣдные; для всѣхъ былъ доступенъ этотъ патрiархальный домъ! Были тутъ ученые, умные, съ большимъ просвѣщенiемъ; были и простые, совсѣмъ уже неученые; были одѣтые по послѣдней модѣ съ большимъ вкусомъ и такiе, которые не имѣли понятiя, что за звѣрь мода и возможно ли приложить вкусъ къ одеждѣ. Однако же столь разнородное собранiе въ этомъ домѣ, какъ то сливалось въ одно. Всѣ дѣлались добры, снисходительны, никто ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ не смѣялся: какъ будто самый воздухъ, окружающiй эту семью—проникнутъ былъ—миролюбiемъ! Всѣ были веселы, всякiй говорилъ какъ умѣлъ; хозяева до того уравновѣсили всѣ умы общею ласкою и вниманiемъ ко всѣмъ, что гости и сами какъ бы забывали различiе своихъ чиновъ и званiй, по мiрскому распредѣленiю.

Прiятно летѣло время, въ такой дружелюбной бесѣдѣ; на большихъ часахъ пробило 12.—Начались поздравленiя съ наступившимъ новымъ годомъ,

и поздравленiя искреннiя, не смотря на то, что здоровье пили не изъ раззолоченныхъ бокаловъ, а просто изъ рюмокъ и даже не шампанскимъ, а домашнею наливкою, вишневкою и малиновкою, издѣлiя одной изъ барышенъ, которой препоручено было хозяйство.

Послѣ того, гости скоро разъѣхались, и хозяева спокойно разошлись по своимъ комнатамъ, гдѣ, разумѣется, старшие долго еще молились, благодаря Бога за прошедшiй, счастливый для нихъ годъ, потому-что миръ души ихъ не былъ нарушаемъ, и просили благословенiя Господня на новое наступающее лѣто.

Молодые же ихъ семьяне, хотя не такъ долго, но съ чувствомъ и усердiемъ исполнивъ ту же священную обязанность, мирно легли на свои кровати и предались сладкому сну, какъ непремѣнному послѣдствiю дня, проведеннаго съ истинной пользою какъ себѣ, такъ и ближнимъ своимъ.

Оставимъ ихъ въ мирномъ упокоенiи, подъ осѣненiемъ Ангельскимъ!

Однакоже не подумайте, друзья мои, чтобы жизнь ихъ была слишкомъ строга и невесела; напротивъ, они наслаждались ею въ полной мѣрѣ: будучи совершенно счастливы дома, не чуждались они и свѣтскихъ удовольствiй, только умѣренно и съ разборомъ. По воскресеньямъ и праздникамъ сбирались

къ нимъ на вечера коротко знакомые молодые люди и дѣвицы, и тогда уже всѣ истинно веселились: тутъ не было ничего натянутаго; все дѣлалось по собственной волѣ, а не для какихъ нибудь расчетовъ, или приличій свѣта, часто очень скучныхъ.

Иногда старушки-тетушки, для развлеченія молоденькихъ племянницъ, ѣздили съ ними въ театръ, когда бывало хорошее представленіе, питающее душу и дѣйствующее не зловредно, а благотворно на воображеніе.

Пятая наша встрѣча новаго года показываетъ намъ, что и въ шумной столицѣ, и среди вихря свѣтской жизни, можно исполнять всѣ высокія добродѣтели истинныхъ христіанъ!

Вотъ вамъ, друзья мои, разныя встрѣчи новаго года. Рѣшите сами, которая изъ нихъ лучше?

МАСЛЯНИЦА

или

ЖИВЫЯ КАРТИНЫ У БАБУШКИ НА ДАЧѢ.

МАСЛЯНИЦА

или

ЖИВЫЯ КАРТИНЫ У БАБУШКИ НА ДАЧѢ.

На Дворцовой площади выстроено множество балагановъ, въ которыхъ представляются разныя, такъ называемыя, лубчоныя комедіи. Тутъ высказываются всякія дурачества, увеселительныя и смѣшныя, для простаго народа.

Тамъ же устроены горы, съ разноцвѣтными флагами на верху, и всякаго рода качели; однѣ, поворачиваясь горизонтально, медленно описываютъ кругъ, на одномъ мѣстѣ; эти очень похожи на круглый балконъ, внутри котораго сдѣланы скамейки, чтобы спокойно могли сидѣть охотники до подобнаго увеселенія. Другія въ видѣ деревянныхъ, осѣдланныхъ лошадокъ, бѣгающихъ въ кругу, приводятъ въ восторгъ, сидящихъ на нихъ бойкихъ мальчиковъ, не только уличныхъ или простыхъ, но нерѣдко и

тѣхъ, которые съ родителями своими живутъ въ роскошныхъ домахъ. Всѣ они тутъ одинаково веселятся и громко смѣются. Есть качели и болѣе затѣйныя, но болѣе и опасныя, которыя вертикально поднимаются снизу вверхъ и опускаются тотчасъ сверху внизъ. На этихъ сѣдоки уже гораздо постарѣе: мужички съ бородками и безъ бородокъ; сидѣльцы, лавочники съ своими женами, сестрами и дочками помѣщаются по два человѣка, въ привѣшенныхъ ящикахъ или качалкахъ; они всѣ кажутся очень довольны своей судьбою; такъ они отъ всей души смѣются, поднимаясь вверхъ, и заставляютъ смѣяться другихъ, когда съ видимой робостію опускаются внизъ.

Между тѣмъ на выходахъ, придѣланныхъ къ балаганамъ, кривляются арлекины, одѣтые съ неимовѣрной пестротою, въ шутовскихъ колпакахъ съ бубенчиками пульчинеллы и бѣлые пierро, или паяцы; всѣ они, прибирая всякій вздоръ, забавляютъ простой народъ, который толпами сбирается посмотрѣть на нихъ, и за небольшую плату всякій можетъ покачаться на любой качели, или съѣхать, съ неимовѣрной быстротою, съ крутой ледяной горы, при громкомъ смѣхѣ сердечнаго удовольствія.

Люди всякаго званія: купцы, дворяне, чиновники, даже и лица высшаго круга, находятся тутъ же; только послѣдніе большею частію не пѣшкомъ дви-

гаются вокругъ балагановъ, а ѣздятъ въ каретахъ, повозкахъ и парныхъ саняхъ, запряженныхъ конями, покрытыми отъ хомута сплошь до санныхъ постромокъ разноцвѣтными сѣтками или пестрыми покрывалами, защищающими сидящихъ отъ снѣговыхъ брызговъ. Всѣ эти экипажи тянутся стройною чередою одинъ за другимъ, въ три и въ четыре ряда, и кружатся на площади.

Тутъ увидите вы отличныхъ лошадей, во всѣхъ статяхъ; богатые экипажи съ сидящими внутри, по большой части, дѣтьми.

Въ наемныхъ экипажахъ, какіе обыкновенно длинными вереницами, въ другихъ случаяхъ, слѣдуютъ въ похоронныхъ шествіяхъ средняго круга столицы, сидятъ дамы втораго разряда: жены и дочери небогатыхъ дворянъ, чиновниковъ съ небольшимъ жалованьемъ, а иногда хотя зажиточныхъ, но не любящихъ роскоши, купцовъ; равно какъ различныхъ ремесленниковъ и мастеровыхъ иностраннаго цеха.

Здѣсь уже не видно утонченнаго вкуса; тутъ хотя нѣкоторые и приближаются къ модѣ, но какъ—то — не совсѣмъ: есть и перья и цвѣты, но все что-то, не такое, купленное подешевле и въ мало извѣстномъ магазинѣ. Тутъ есть дамы, даже и съ платочками на головахъ; но за то эти уже бо́льшею частію отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ, что доказываютъ ихъ полныя, румяныя лица; очевидно,

что насладясь вкусными и жирными блинками, поѣхали онѣ кататься съ сполнымъ удовольствіемъ.

Не сдѣлавъ слишкомъ большой ошибки, можно сказать, что катальщицы втораго разряда сѣли въ свои некрасивые рыдваны, не для какого нибудь магическаго слова: «что такъ принято въ свѣтѣ», а совершенно добровольно, то есть возъимѣвъ сильное желаніе покататься на масляницѣ, другихъ посмотрѣть и себя показать.

Площадь кипитъ народомъ, всѣ суетятся, толкаются, каждый старается заглянуть во всѣ видимые уголки пестрыхъ увеселеній; многіе спѣшатъ зайти въ балаганы, кинувъ на вѣтеръ нѣсколько цѣлковыхъ, пріобрѣтенныхъ трудами, или просто постоять, разинувъ ротъ, передъ какимъ нибудь фигляромъ на балконѣ, и если не цѣлковые, то не менѣе того дорогое время развѣять какъ дымъ по воздуху! Представляющіе комедію бѣгаютъ, вертятся, кувыркаются; зрители хохочутъ, радуются, хотя часто сами не знаютъ чему, а такъ себѣ, потому-что въ эту масляничную пору всякъ тотъ, кто пришелъ сюда, невольно смѣется общимъ смѣхомъ, веселится общимъ весельемъ, которое почти столько же заразительно какъ горе и печаль. Здѣсь бываетъ забавно то, что актеры, находящіеся въ дѣйствіи, засматриваясь на окружающихъ, обращаются въ зрителей; а гуляющіе пѣшкомъ, или важно проѣзжающіе

въ каретахъ, думая быть зрителями, въ свою очередь сами дѣлаются актерами, для тѣхъ, которые смотрятъ издали на это всеобщее представленіе.

Въ числѣ этихъ отдаленныхъ *настоящихъ* зрителей, находилась одна очень умная и почтенная старушка, Александра Семеновна, которая, сидя въ своей гостиной у окна, выходящаго на Дворцовую площадь, смотрѣла какъ передъ глазами ея кружилась пестрая масляница, въ видѣ безчисленныхъ экипажей и толпами приходилъ и уходилъ народъ, насладясь весельемъ своихъ собратій.—Подлѣ старушки стояли двѣ ея внучки: Маша 14 и Лиза 12 лѣтъ.

Домъ, гдѣ онѣ жили, былъ въ три этажа; онѣ смотрѣли изъ самаго верхняго, потому могли видѣть все какъ снаружи, такъ и внутри таинственной загородки, привлекающей толпы любопытныхъ. Имъ не нужно было садиться ни въ карету, ни въ сани; а спокойно могли онѣ разсматривать всеобщую суету, изъ окна своего дома, почему бабушка и внучки, шутя, называли это дешевое зрѣлище *панорамою адмиралтейской площади во время масляницы*.

По такому *счастливому* сосѣдству къ масляничнымъ удовольствіямъ, многіе изъ ихъ родныхъ и знакомыхъ, особливо же дѣти, желали въ это время какъ можно чаще посѣщать старушку съ ея внучками; тѣмъ болѣе, что онѣ чрезвычайно ласково всѣхъ принимали. И поэтому, вся эта недѣля въ

часы катанья, была занята угощеніемъ, для нашихъ хозяекъ, которыя придерживались еще стариннаго русскаго хлѣбосольства. Хотя не очень много было у нихъ родныхъ и знакомыхъ, но всѣ они, пользуясь добродушіемъ старушки, приводили съ собою, кромѣ своихъ дѣтей, множество и другихъ постороннихъ, а тѣ еще своихъ знакомыхъ малютокъ, отъ чего выходило, что зала и гостиная, бывшія окнами на площадь, наполнялись каждый день большими и маленькими посѣтителями и угощеніе начиналось съ одиннадцати часовъ утра и продолжалось до сумерекъ.—Когда площадь начинала пустѣть, тогда и гости разъѣзжались по домамъ.

А между тѣмъ, сколько было хлопотъ угощать всѣхъ завтракомъ, заботиться, чтобы подавали горячіе блины, по неизмѣнному обычаю масляницы; а ужъ какихъ только тутъ не было блиновъ?—и заповѣдные гречневые, красные, крупичатые, манные, картофельные, одни съ яичками, съ лучкомъ, съ селедочкой, другіе съ вареньями и съ сабайономъ и проч. и проч. и проч.; кромѣ того: сыръ, паюсная и свѣжая икра, сардинки, вареники, сырнички, пельмени и другія разныя разности не переводились со стола въ столовой. Молодой народъ съ свѣжими желудками хотѣлъ кушать, и все это исчезало тотчасъ, какъ будто и подано не было. Такимъ образомъ какъ Александра Семеновна, такъ и внучки ея

вечеромъ уже принимались за свои обыкновенныя занятія: бабушка читала Священныя книги, а дѣвочки твердили свои уроки, повторяли музыкальныя піесы, занимались рукодѣліемъ. Разумѣется привыкнувъ къ настоящему дѣлу, такой безпрестанный съѣздъ, отнимая у нихъ время, скоро наскучалъ не только бабушкѣ, но и внучкамъ. Смотрѣть на площадь давно уже имъ надоѣло, а надобно было заниматься этими пустяками, и показывая изъ окна маленькимъ гостямъ горы и качели, отвѣчать на безчисленные вопросы объ одномъ и томъ же предметѣ, и самое пріятное было для нихъ, когда могли, оставя гостей, подойти къ бабушкѣ, сидѣвшей съ почтенными дамами. Однако, потому какъ все пустое, неимѣющее никакой пользы, не можетъ долго казатся занимательнымъ, то вскорѣ и всѣмъ приглядѣлась эта безсмысленная пестрота; почти никто уже не подходилъ къ окну; дѣти, собранныя вмѣстѣ, принялись за разныя игры: въ фанты, жмурки, веревочку и тому подобное. Старшіе, пріѣхавшіе съ ними, которымъ разумѣется еще болѣе надоѣлъ этотъ уличный праздникъ, очень были этимъ довольны и уже поговаривали, что казалось бы полно, что завтра не пріѣдутъ больше безпокоить милыхъ хозяекъ, но останутся по домамъ своимъ. Разумѣется, что и наша бабушка со внучками очень были тому рады.

Но какъ именно отъ непостоянства человѣческихъ желаній, случается почти всегда такъ, что нравится намъ гораздо болѣе то, чего мы лишаемся, нежели то что имѣемъ или что не скоро намъ удается, обыкновенно имѣетъ сильную приманку; потому и вышло, что нѣкоторые изъ гостей, особливо мальчики, возстали противъ такого рѣшенія и вдругъ всѣмъ захотѣлось снова разсматривать вѣтряную мельницу; многіе кинулись къ окнамъ, хотя площадь давно уже опустѣла, и рѣшительно ничего не было видно.

— Отчего это такъ скоро сдѣлалось темно?— вскрикнули многіе; у нѣкоторыхъ даже и слезы были слышны въ голосѣ.

— Зачѣмъ же не смотрѣли вы на улицу, когда было свѣтло, друзья мои, а вздумали теперь? спросила Александра Семеновна.

Никто не зналъ, что отвѣтить.

— Что же вы ничего не говорите? повторила она вопросъ свой.

— Мы не смотрѣли оттого... оттого... милая бабушка! началъ одинъ постарше; что... тогда не хотѣлось... а какъ сказали, что ужъ больше не приведутъ насъ сюда, то и жалко стало!

— Да, да, очень жалко! намъ бы хотѣлось еще посмотрѣть, подтвердило множество голосовъ.

— Однако вы почти весь день не подходили къ

окну, мои душеньки, и очень весело играли въ жмурки, сказала Маша.

— Да, отвѣчалъ Митя; это именно отъ того, что въ жмурки мы давно не играли и это показалось намъ чѣмъ то новенькимъ.

— Мы всѣ любимъ новенькое! подхватило опять множество голосовъ: игрушки новенькія и книжки новенькія!

— А старенькаго не любите?

— Нѣтъ, бабушка, старенькое надоѣдаетъ.

— Спасибо, друзья мои! стало быть и бабушка старенькая вамъ надоѣла?

— О, нѣтъ! закричали всѣ, мы васъ любимъ такъ любимъ, что даже и не думаемъ, что вы старенькія.

— Вотъ видите, поэтому и старенькое любить можно?

— Конечно, милая бабушка, только не игрушки и не другіе подарки.

— А что же?

— Какъ бы вамъ растолковать? Напримѣръ... нянюшка у насъ очень старенькая! однако мы ее любимъ и не хотимъ другой, новенькой, сказалъ Вася, очень бойкій мальчикъ.

— Отчего же?

— Оттого, что и она насъ очень любитъ; какъ же можемъ мы не любить ее?

— Справедливо, другъ мой, такъ и должно быть; нянюшка васъ любитъ, заботится объ васъ; оттого и вы, какъ добрыя дѣти, платите ей тѣмъ же; и конечно это совсѣмъ другое чувство; но я хочу знать, отчего игрушки и другіе подарки нравятся вамъ только новенькіе?

— Этого я уже не умѣю вамъ растолковать, милая бабушка; вѣрно отъ того, что игрушки новенькія, такія какихъ прежде мы не видали.

— А когда увидѣли и онѣ вамъ понравились, отчего же вы не занялись ими хорошенько?

— Вотъ этого то мы и не умѣемъ: обрадуемся когда подарятъ, а потомъ скоро и бросимъ.

— Это происходитъ, друзья мои, отъ того, что вы не обращаете вниманія на подаренную вещь, а только смотрите на нее поверхностно, и потому она дѣлается для васъ безполезною, а все то, что безполезно, непремѣнно, вскорѣ наскучитъ.

— Да, милая бабушка, но какъ же смотрѣть иначе на игрушки и другіе подарки?

— А вотъ какъ, друзья мои; напримѣръ, когда подарятъ вамъ, положимъ, даже самую ничтожную вещь, какую нибудь куклу; то и при этомъ, если бы, поигравъ ею, подумали вы сколько трудовъ стоила эта кукла тому кто ее сдѣлалъ, сшилъ изъ тряпочекъ, или вырѣзалъ изъ дерева, раскрасилъ, одѣлъ въ нарядное платье, и при томъ, подумали

бы также и о томъ, сколько денегъ и заботы, чтобы отыскать ее и угодить вамъ, стоила она тому, кто подарилъ ее; то не бросили бы ее тотчасъ какъ ненужную вещь; а старались бы разсмотрѣть хорошенько, изъ чего она сдѣлана, какъ сшито нарядное ея платье, шляпка или другой костюмъ, сколько было трудовъ за этими бездѣлицами? Все это заняло бы васъ такъ, что очень долго не захотѣли бы оставить свою куклу, и она утѣшала бы васъ непремѣнно, потому что одна забава съ пользою можетъ быть настоящей забавою. Не правда ли, друзья мои?

— Да, милая бабушка!

— Представьте же себѣ, если кукла можетъ такъ занять, то другіе подарки и еще болѣе, напримѣръ, рабочіе ящички, книжки; въ ящичкахъ много есть о чемъ подумать, если, разобравъ вещицы, стараться употреблять ихъ на то, для чего онѣ сдѣланы; напримѣръ, ноженками вырѣзывать картинки какъ можно лучше; иголками съ наперсткомъ попробовать шить что нибудь, сначала дурно и неловко, а потомъ что дальше, то будетъ лучше и ловчѣе для васъ, и тогда въ одномъ ящичкѣ найдете вы столько пользы, что онъ послужитъ для васъ совершеннымъ утѣшеніемъ.

Книжки же и еще гораздо болѣе: въ нихъ не однѣ картинки, или только сверху красивый пе-

реплетъ, но и написанное внутри заняло бы васъ непремѣнно, если бы, получивъ такой подарокъ, старались бы вы просмотрѣть картинки, не такъ только, чтобы перебравъ листы, дойти до послѣдней и бросить книжку, какъ многіе изъ васъ дѣлаютъ, а, напротивъ, старались бы разсматривать ихъ со вниманіемъ, и желая узнать значеніе каждой картинки, принялись бы читать написанное въ книжкѣ, что, развивая ваше понятіе болѣе и болѣе, васъ бы занимало, и повторю еще, что занимало бы васъ то было бы вамъ полезно, и тогда непремѣнно служило бы вамъ долгое время истинной забавою.

— Однимъ словомъ, все то, что безполезно, не можетъ долго забавлять насъ; подобно тому, какъ теперь надоѣло вамъ смотрѣть на пеструю масляницу; не такъ ли, друзья мои?

— Точно такъ, милая бабушка; сначала мы не могли дождаться по утру, когда повезутъ насъ къ вамъ, чтобы смотрѣть на горы и на качели; а теперь ужъ не хочется.

— Да, Николинька говоритъ правду, подхватили другіе; если бы не вы, милая бабушка, которую мы такъ любимъ и не сестрицы Маша и Лиза, которыя такъ ласковы, то конечно мы бы стали просить, чтобы насъ оставили дома.

— Всѣ ли вы такъ думаете?

— Всѣ! всѣ! Масляница точно уже намъ надоѣла.

— Въ разсужденіи масляницы я еще скажу вамъ, что тутъ можетъ быть и другая еще причина, именно, что все то, что не на мѣстѣ, и не во время, хотя безсознательно, но производитъ въ душѣ непріятное чувство.

— Какъ это, милая бабушка, вѣдь теперь и есть масляница; въ доказательство того служатъ и блины, которые кушаемъ мы у васъ и дома; стало быть, это уже и есть настоящая масляница?

— *Настоящей* масляницы нѣтъ, друзья мои, и быть не можетъ, потому что это взято изъ древнихъ обычаевъ когда люди, не зная истиннаго Бога, поклонялись идоламъ, или деревяннымъ болванамъ; нѣкоторые утверждаютъ, что у славянъ, нашихъ предковъ, были, во множествѣ другихъ идоловъ, и такіе, изъ которыхъ одинъ назывался *Качуля*, а другой *Катуля* и что въ честь этихъ ложныхъ боговъ, качались на чемъ нибудь и катались съ горъ непросвѣщенные люди.

Когда же, принявъ истинную Вѣру, отвергли славяне такіе глупые обычаи, то они вкрались къ намъ, подъ видомъ невинныхъ увеселеній, и праздные люди, отъ скуки бездѣйствія, предаваясь пустымъ удовольствіямъ, не хотѣли посвятить и нѣсколько недѣль для занятія настоящимъ дѣломъ, то есть

исправленію своихъ недостатковъ; для чего, какъ удобнѣйшее къ тому время, и назначенъ Христіанскою Церковію Великій Постъ, въ воспоминаніе того, что для освобожденія нашего отъ вѣчной смерти Самъ Спаситель, передъ Своимъ страданіемъ и распятіемъ на крестѣ, постился сорокъ дней. Для того то, именно, Святые Отцы Церкви назначили и намъ поститься это время, то есть не только воздерживаться отъ излишества въ пищѣ; но и отъ всякихъ излишествъ, потому что не возможно сѣтовать о грѣхахъ и вмѣстѣ предаваться удовольствію; неблагодарные же люди, не входя въ настоящій смыслъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться столь благимъ для нихъ повелѣніемъ, нашли и это *сорокадневное* воздержаніе слишкомъ великимъ и вмѣсто приготовленія къ нему, стали предаваться всевозможнымъ веселостямъ, изъ которыхъ и составилась эта безсмысленная масляница, и многіе въ эту недѣлю желаютъ навеселиться на весь Великій Постъ! Это совершенно тоже, какъ нѣкоторые простые люди объѣдаются въ заговѣнье, думая насытиться на все постное время. Не чрезмѣрно ли это глупо? Да къ тому же это и вредно, потому что отъ такого невоздержанія многіе впадаютъ въ жестокую болѣзнь; это очень дурно. Конечно *масляница* съ своими веселостями есть ничто иное какъ обычай, простой обычай, людьми, а вовсе не религіозными законами установ-

ленный, и нѣтъ сомнѣнія, что вредно для тѣла и души употреблять во зло это время всеобщей веселости и беззаботныхъ удовольствій, то есть дѣлать разныя излишества, свойственныя только грубымъ и непросвѣщеннымъ вѣрою натурамъ; но веселиться скромно, какъ напримѣръ, вы веселитесь, нѣтъ ничего предосудительнаго, и эта веселость ни мало не мѣшаетъ вамъ творить добро и быть угодными Богу хорошими дѣлами, которыя всегда и во всякую пору года могутъ и должны быть совершаемы.—Послушайте, дружки мои, что я вамъ теперь разскажу на счетъ *масляницы* въ церковно-духовномъ отношеніи.

По настоящему эта недѣля называется *мясопустною* и *сырною*; отъ того, что въ отсутствіи мясной пищи, запрещенной Церковію, разрѣшено питаться сыромъ, яйцами и молокомъ; именно для того, чтобы переходъ отъ скоромной пищи къ великопостному воздержанію, сдѣлать легче для желудка: такъ всегда старается Св. Церковь облегчить необходимые для насъ подвиги; но мы сами, нерѣдко, къ сожалѣнію, противясь ея повелѣніямъ, прибавляемъ себѣ тягости.

И такъ, мои друзья, потому что масляница вамъ наскучила, вы сегодня у насъ, послѣдній день?

— О! нѣтъ, милая бабушка, къ вамъ мы всегда

готовы и желаемъ пріѣхать! воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Благодарю васъ, друзья мои, и за такую любовь ко мнѣ и моимъ внучкамъ, желаю вамъ доказать тоже и съ нашей стороны, и повеселить васъ, но только не завтра, отъ того, что это будетъ пятница и всегда великій день; а въ эту недѣлю и еще она важнѣе, что разскажу вамъ, когда нибудь послѣ. И такъ въ пятницу останемся мы всѣ по домамъ своимъ, а въ субботу, какъ вы еще дѣти, то и можно будетъ повеселить васъ немного, и потому объявляю вамъ выдумку Маши и Лизы, совершенно одобренную мною; она состоитъ въ томъ, что въ заключеніе масляницы хотимъ мы сдѣлать катанье на саняхъ; всѣ ваши родители и старшіе родственники на то согласны и послѣ завтра въ десять часовъ привезутъ васъ къ намъ; здѣсь уже будутъ ожидать васъ нѣсколько саней и вы всѣ, мои душеньки, поѣдете кататься за городъ на мою дачу; тамъ увидите разныя живыя картины, запомните ихъ хорошенько и возвратясь, разскажите мнѣ. Нравится ли вамъ это предложеніе и хотите ли вы кататься?

— Очень хотимъ! милая бабушка, и постараемся разсказать вамъ что увидимъ.

— Хорошо, друзья мои! и такъ, въ субботу, въ одиннадцатомъ часу, мы васъ ожидаемъ.

Мжно представить, что при такомъ предложеніи,

восторгъ дѣтей достигъ высшихъ размѣровъ; всѣ принялись скакать и прыгать, такъ что меньшихъ насилу успокоили, чтобы надѣвать на нихъ шапочки и шубки. Наконецъ всѣхъ развезли по домамъ и многія изъ дѣтей, даже ночью просыпаясь, думали что такое они увидятъ, что это будутъ за картины?

Вотъ наступилъ назначенный день; всѣ дѣти собрались къ бабушкѣ, и тамъ помѣстясь въ нѣсколькихъ саняхъ, всею ватагою, выѣхали изъ воротъ ея дома; одни сани слѣдовали за другими; въ каждыхъ было по три и по четыре маленькихъ сѣдоковъ, въ сопровожденіи одного старшаго.

Парныя сани, въ которыхъ были Маша и Лиза, ѣхали впереди всѣхъ; бабушкинъ сѣдобородый кучеръ долженъ былъ показывать дорогу прочимъ.

Разноцвѣтныя шубки, шапочки, шляпки, фуражки, пріятно пестрѣли въ глазахъ.

Переднія сани повернули и поѣхали кругомъ балагановъ; прочія длинной вереницею, послѣдовали за ними очень тихо. Къ тому же, какъ это было еще рано, въ началѣ двѣнадцатаго часа, то на горахъ не было еще другихъ линій каретъ, и они свободно объѣхали кругомъ, и возвратились къ дому бабушки, которая смотрѣла въ окно; тутъ пріостановясь немного, всѣ сидѣвшіе въ саняхъ мальчики снимали фуражки и кланялись; а дѣвочки посылали ручкою поцѣлуй доброй старушкѣ. И такъ шагомъ

проѣзжая мимо ея окна, выѣхали они на площадь, повернули подъ арку и пустились вдоль улицъ, довольно уже скоро, догоняя переднія сани.

Весело было имъ кататься, весело было и смотрѣть на нихъ! Проѣхавъ довольно большую часть Петербурга, выбрались за тріумфальныя ворота и отправились по Петергофскому шоссе; дача Александры Семеновны была на третьей верстѣ; это разстояніе проскакать не долго; они подъѣхали къ большому деревянному дому, который по причинѣ короткаго еще дня, былъ уже освѣщенъ весь, внутри и снаружи. Сани за санями тихо подъѣзжали къ крыльцу, украшенному разноцвѣтными фонарями.

Всѣ вошли въ большую залу; Маша и Лиза, какъ настоящія хозяйки, принялись подчивать гостей чаемъ, что очень пріятно послѣ катанья, особенно когда къ чаю съ прекрасными сливками отъ дачныхъ коровокъ поданы разнаго рода превкусныя масляничныя печенья: пышки, ватрушки, крендельки, бисквиты и прочія пекарныя произведенія Иде и Вебера, первыхъ петербургскихъ булочниковъ. Все это однако не очень длилось: дѣтей приманивали обѣщанныя картины и они проворно кончили свой завтракъ. Тогда повели ихъ въ другую большую комнату, гдѣ были поставлены стулья рядами, на которыхъ и помѣстились всѣ, лицемъ къ опущенной занавѣскѣ.—Раздался свистокъ, и зановѣска поднялась. Зрители увидѣли большую золотую раму, и внутри ея живую картину.

КАРТИНА I.

Хорошенькая дѣвочка, съ откинутымъ на головѣ покрываломъ, стояла посрединѣ поля, окруженнаго сиреневыми и розовыми кустами въ полномъ цвѣту, Лицо милой дѣвочки было немного наклонено внизъ и глаза опущены въ землю; въ одной рукѣ держала она золотой вѣнецъ, а въ другой разогнутый свитокъ бумаги, на которомъ крупными буквами было написано: «я представляю *Смиреніе*. Счастливъ тотъ, кто будетъ подражать мнѣ: онъ заслужитъ приготовленный мною золотой вѣнецъ!»

Когда одинъ изъ зрителей громко прочелъ эти слова, завѣса опустилась; проиграли симфонію на фортепьяно и явилась новая картина.

КАРТИНА II.

На ней представленъ былъ цѣлый городъ раскрашенныхъ домовъ, сдѣланныхъ такъ искусно, что окна и двери могли отворяться. На улицѣ стояло нѣсколько бѣдно одѣтыхъ людей. Музыка заиграла, картина оживилась, бѣдняки, все древніе старички и старушки, слѣпые, нѣмые, безрукіе и пр., подходя къ домамъ, просили милостыни, и тогда, изъ многихъ оконъ выглянувъ мальчики и дѣвочки, бро-

сали имъ по нѣскольку денегъ; иные же выходили изъ дверей и ласково разговаривали съ старичками и старушками и вообще со всѣми этими людьми въ рубищахъ, которые не имѣли возможности себя пропитывать.—Въ другихъ же домахъ, окна, напротивъ, затворялись и сердитыя дѣти махали рукою на несчастныхъ, приказывая имъ отойти прочь.—Такимъ образомъ первые, возбудивъ всеобщее одобреніе и похвалу, а другіе негодованіе, скрылись отъ зрителей за опущенною занавѣской.

Опять свистокъ, и дѣти увидѣли третью картину:

КАРТИНА III.

Эта была какъ бы разгорожена пополамъ; въ одной сторонѣ представлена внутренность крестьянской избы, съ большою русскою печью; кругомъ стѣнъ сдѣланы деревянныя лавки; въ переднемъ углу, на скамьѣ, лежитъ больная женщина, какъ видно изъ ея блѣднаго лица; подлѣ нея сидитъ дѣвочка, хорошо одѣтая, въ голубомъ платьицѣ и подаетъ ей на ложкѣ лекарство. — Музыка одушевила картину; дѣвочка встаетъ, убираетъ ложку, поправляетъ подушки, прикрываетъ больную одѣяломъ, ласково прощается съ нею и уходитъ; женщина, поднимая глаза къ небу, молится за свою благодѣтельницу.

КАРТИНА IV.

Во второмъ отдѣленіи на четвертой картинѣ представленъ темный подвалъ; ночникъ тускло горитъ посрединѣ, въ углу, на полу постлано нѣсколько соломы и на ней сидитъ заключенный въ тюрьмѣ съ желѣзными колодками на ногахъ; а подлѣ него съ одной стороны старичекъ, а съ другой мальчикъ, оба хорошо одѣтые; мальчикъ держитъ въ рукахъ разогнутую книгу. Музыка заиграла, мальчикъ сложилъ книгу и бережно обернулъ ее бѣлымъ платкомъ. Колодникъ со слезами сталъ благодарить старичка, что позволяетъ сыну своему навѣщать его и читать ему Св. Евангеліе—эту книгу жизни, которая облегчаетъ всякое страданіе, утѣшая несчастнаго грѣшника надеждою на милосердіе Отца его Небеснаго! Старикъ и мальчикъ оба встаютъ; они подаютъ колоднику бѣлый хлѣбъ, ласково прощаются съ нимъ, обѣщаясь придти опять и уходятъ. Занавѣсъ опускается.

КАРТИНА V.

Пятая картина представляетъ открытое поле, въ срединѣ котораго, прислонясь къ большому камню, полулежитъ одѣтый въ рубище человѣкъ; ноги его протянуты, онъ весь кажется въ изнеможеніи, глаза полузакрыты; музыка слышна за кулисами.

Картина оживаетъ: старикъ пробуетъ встать, но не можетъ и говоритъ: «я очень ослабѣлъ, я умираю съ голоду... кто подастъ мнѣ кусочекъ хлѣба?» Въ эту минуту показываются вдали двое дѣтей; они приближаются къ старику; мальчикъ несетъ большую деревянную чашку, дѣвочка хлѣбъ и кружку съ водою.— «Мы тебя накормимъ, добрый человѣкъ! говорятъ дѣти, подойдя къ нему; вотъ горячіе щи, хлѣбъ и кружка съ домашнимъ квасомъ, да полъ каравая хлѣба.» Старикъ перекрестился, поднявъ глаза къ небу, и съ большимъ удовольствіемъ началъ ѣсть вкусные щи.

Завѣса опустилась. Когда же поднялась снова, то зрители увидѣли шестую картину.

КАРТИНА VI.

Въ ней была представлена полуразвалившаяся хижина; сквозь отворенную дверь видно нѣсколько ребятишекъ, сидящихъ въ кучкѣ на полу, прижимаясь одинъ къ другому.

Музыка заиграла; бѣдныя эти дѣти начали плакать и говорили: «охъ! какъ холодно! нѣтъ у насъ тепленькаго платьица!» и вдругъ закричали: «Вотъ онѣ идутъ! идутъ!» — и съ этимъ словомъ повыскакали изъ хижины, босикомъ и въ оборванныхъ кафтанишкахъ. Къ нимъ подошли двѣ дѣвочки въ сопровожденіи старушки няни, которая несла большой узелъ и, тутъ же положивъ его на камень,

начала развязывать; а дѣвочки, вынимая изъ него шубки, надѣвали на жалкихъ ребятишекъ и тѣ, переставъ плакать, твердили: ахъ, какъ хорошо и тепло! и кланялись милымъ дѣвочкамъ.

Завѣса опустилась.

КАРТИНА VII.

Въ седьмой картинѣ былъ представленъ лѣсъ, покрытый инеемъ; между деревьями видна дорога, проложенная слѣдомъ саней, по глубокому снѣгу. Вдоль этого, едва обозначеннаго пути идетъ какой то странникъ, съ посохомъ въ рукѣ и съ котомкою за плечами. Вдали видѣнъ домъ, съ красною крышкой. Картина оживаетъ: изъ за деревьевъ выбѣгаютъ два мальчика и дѣвочка; первые берутъ странника подъ руки, а дѣвочка идетъ впереди, показывая на домъ.—Дѣти ласково говорятъ:—Пойдемъ съ нами, добрый человѣкъ! ты усталъ, озябъ; вонъ тамъ живетъ нашъ папенька; мы приведемъ тебя къ нему, онъ очень добрый! у насъ ты отдохнешь, тебя накормятъ горячими щами, напоятъ чаемъ и ты можешь остаться у насъ сколько захочешь; папенька любитъ угощать странниковъ.— Онѣ всѣ четверо ушли по направленію къ дому.— Завѣса опустилась.

КАРТИНА VIII.

Раздалась торжественная симфонія и когда она кончилась, то явилось привлекательное зрѣлище.

Всѣ увидѣли великолѣпный садъ: вездѣ цвѣты и деревья съ плодами; все это было сдѣлано изъ разноцвѣтной фольги и потому блестѣло чрезвычайно; прекрасныя маленькія птички сидѣли на вѣткахъ и множество дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, съ золотыми вѣнцами на головахъ, въ розовыхъ и бѣлыхъ платьяхъ, покрытыхъ блестками съ золотой бахрамою, иные стояли, другіе сидѣли на лавочкахъ въ этомъ чудномъ саду. Громкая музыка заиграла. Картина оживилась, птички начали шевелиться, дѣти подходили другъ къ другу, мѣняясь гирляндами блестящихъ цвѣтовъ; платьица ихъ казались воздушными, какъ бы сотканными изъ лучей какого нибудь свѣтила; лица ихъ блистали радостію; видно было, что они совершенно счастливы! — Надъ картиною была надпись, крупными золотыми словами: «Эти милыя дѣти исполнили по-«велѣнія своего великаго закона, получили золотые «вѣнцы въ награду за свое смиреніе и теперь на-«слаждаются райскимъ блаженствомъ»!

Такого рода была эта восьмая и послѣдняя картина; зрители пошли за столъ, много было разговоровъ во время обѣда; много вопросовъ на счетъ представленныхъ картинъ; но Маша и Лиза отвѣчали всѣмъ, что бабушка будетъ сама толковать ихъ значеніе.

По окончаніи обѣда, всѣ спѣшили сѣсть въ сани,

чтобы скорѣе воротиться домой. И такъ наши катающіеся пустились тою же дорогою, въ обратный путь.

Скоро вся веселая ватага собралась въ комнатахъ милой бабушки; всѣ дѣти цѣловали ея ручки и усердно благодарили за удовольствіе имъ доставленное. Самыхъ маленькихъ гостей развезли по домамъ; но старшіе, отъ 9 до 14 лѣтъ, просились остаться на вечеръ у милой бабушки, которая сама очень ласково ихъ приглашала.

Подали вечерній чай; всѣ молоденькіе гости собрались вокругъ большаго круглаго стола, у дивана, гдѣ обыкновенно сидѣла добрая старушка. Всѣ дѣти вообще очень любили разговаривать съ нею, не смотря на то, что она никогда не занимала ихъ пустяками.

— Теперь, кажется, вы уже навеселились, друзья мои? сказала она.

— Да, милая бабушка, точно навеселились!

— Хотите ли, поговоримъ о чемъ нибудь подѣльнѣе?

— О! хотимъ! хотимъ; вы всегда такъ хорошо разсказываете.

— Очень рада, что нравятся вамъ мои разговоры; но только прежде исполните и вы свое обѣщаніе, разскажите мнѣ, что видѣли на дачѣ?

Тутъ каждый спѣшилъ исполнить желаніе бабуш-

ки и объяснить, что видѣлъ и замѣтилъ, въ каждой картинѣ.

— Хорошо, друзья мои! теперь какъ будто и я сама была съ вами на дачѣ и разскажу вамъ, почему именно такого рода картины придумали Маша и Лиза; именно для того, что теперь такое наступило время, когда надобно, отложивъ пустыя увеселенія, заниматься важными событіями жизни.

— Какъ это, милая бабушка? да вѣдь теперь еще масляница, когда всѣ гуляютъ и веселятся? Вѣдь еще не пришелъ Великій Постъ?

— Конечно, онъ еще не наступилъ, но приготовленіе къ нему, по церковнымъ правиламъ, началось уже почти три недѣли тому назадъ.

— Вотъ этого мы никогда не слыхали.

— Не мудрено вамъ не слыхать, когда, правду сказать, и многіе большіе этого не знаютъ. Впрочемъ, повторяю, мирная и спокойная веселость не противна Господу, а нехороша веселость, сопровождаемая дурными поступками и несвойственною добродѣтельному человѣку страстью къ излишествамъ и невоздержностямъ разнаго рода. Оговариваю это нарочно, чтобъ вы не думали, что ваша бабушка, сама веселя васъ, хочетъ увѣрить, что веселье грѣхъ. Это было бы, просто, грѣшно съ моей стороны; однако поговоримъ теперь о постѣ, который завтра начнется.

— Разскажите же намъ, милая бабушка: это что-то новенькое и вѣрно гораздо лучше всякихъ новыхъ подарковъ. Не такъ ли?

— Совершенно такъ, друзья мои! одно въ сравненіи съ другимъ, какъ темная ночь и свѣтлый день!— И такъ, отложимъ теперь забавы и поговоримъ о настоящемъ дѣлѣ, котораго вы уже видѣли предисловіе.

— Гдѣ это, милая бабушка?

— Въ картинахъ, мои душеньки.

— Неужли? ахъ, какъ хороши были эти картины! объясните ихъ намъ поскорѣе.

— Съ удовольствіемъ, друзья мои! и тогда вы сами согласитесь какъ важны дни такъ называемой нами масляницы; эта недѣля есть уже какъ бы преддверіе Великаго Поста; приготовленіе же къ нему начинается еще прежде за двѣ недѣли до масляницы. Церковію положено, чтобы за семьдесятъ дней до Свѣтлаго Воскресенья, начинать *Постную тріодь*.

— Что это такое, милая бабушка?

— Такъ называется книга, друзья мои, въ которой изложено Богослуженіе на эти приготовительныя недѣли къ великому посту. Обыкновенно начало Великопостной Тріоди, бываетъ около 11 января и 15 февраля; судя по тому, ранній или поздній будетъ праздникъ.

Семьдесять дней, отъ начала тріоди, до Свѣтлаго Воскресенья, означаютъ *семидесятилѣтній плѣнъ* вавилонскій, въ Ветхомъ Завѣтѣ.—Какъ тамъ израильтяне были побѣждены Навуходоносоромъ и отведены плѣнниками въ Вавилонъ, такъ мы порабощены грѣхами; какъ тѣ желали освободиться изъ плѣна, такъ и мы еще болѣе должны желать освобожденія отъ грѣховъ, къ чему Великій Постъ и представляетъ намъ всѣ способы.

Недѣли приготовительныя къ Великому Посту называются: первая—*Мытаря и Фарисея*; вторая *Блуднаго сына*; третья *сырная*, или *мясопустная*, наша масляница; четвертая—*сыропустная*.

— Отчего же ихъ такъ назвали, милая бабушка?

— Оттого, друзья мои, что въ недѣлю, то есть въ воскресенье, при началѣ первой седьмицы, когда начинается Великопостная Тріодь, положено на Литургіи Евангеліе, отъ Луки, 18 глава стихъ 10 и 14, о Мытарѣ и Фарисеѣ. Этимъ Церковь внушаетъ намъ, что для оправданія передъ Богомъ, намъ необходимо съ внѣшними дѣлами закона, соединить внутреннее *смиреніе*.

— Ахъ! это первая картина, которую мы видѣли?

— Точно такъ: смиреніе приготовляетъ насъ ко всему хорошему и необходимо, при вступленіи въ Великій Постъ, который установленъ для покаянія и исправленія нашего.

— Но почему же Мытарь и Фарисей представляютъ смиреніе?

— Какъ же, друзья мои? я думаю, многіе изъ васъ знаютъ ту Евангельскую притчу, что два человѣка вошли въ церковь помолиться, одинъ фарисей, а другой Мытарь; оба пришли съ хорошимъ намѣреніемъ; но только Фарисей, ставъ на молитву, началъ благодарить Бога за то, что онъ не такъ, какъ прочіе человѣки, дурные и порочные; но что онъ лучше ихъ, потому что постится два раза въ недѣлю, что отдаетъ десятую долю со всего, что пріобрѣтаетъ, въ церковь, и такимъ образомъ, возгордясь своими дѣлами, былъ очень доволенъ собою, уничижая всѣхъ прочихъ.—Мытарь же въ смиреніи, чувствуя сколь мало сдѣлалъ онъ для Бога и для души своей, не осмѣливался даже и глазъ возвести на небо, а только, стоя въ отдаленіи, ударяя себя въ грудь, говорилъ: «Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику»!

Что же вышло?—Богъ, видящій внутреннее побужденіе, что Фарисей не изъ усердія къ исполненію закона дѣлалъ свои приношенія въ церковь и постился два раза въ недѣлю, а изъ одного самохвальства и гордости, осудилъ его, какъ недостойнаго Своей милости. Мытарь же, который, чувствуя свое недостоинство, смиренно просилъ помилованія, былъ оправданъ Всевидящимъ Господомъ!

Эта притча учитъ насъ, какъ должно смиряться въ душѣ своей и, не осуждая другихъ, смотрѣть за своими проступками.

Потому-то, въ первой картинѣ и было представлено *смиренiе*, какъ необходимая добродѣтель для тѣхъ, которые желаютъ исправиться и сдѣлаться лучшими.

Недѣля Мытаря и Фарисея есть сплошная, для постепеннаго приготовленія къ посту. Разрѣшеніе же поста на этой недѣлѣ есть также обличеніе недостойнаго поста Фарисеева *).

Вторая приготовительная недѣля: О Блудномъ сынѣ.—Эту евангельскую притчу также вы знаете.

— Не всѣ, милая бабушка.

— Извольте, я разскажу вамъ. Она состоитъ въ томъ, что у одного человѣка было два сына; меньшой просилъ отца, чтобы тотъ отдѣлилъ ему слѣдующую для него часть имѣнія; отецъ исполнилъ его просьбу; тогда онъ, взявъ свою часть, удалился отъ отца въ другую страну, и тамъ, предавшись порокамъ, промоталъ свое имѣніе до того, что уже пришлось ему умирать отъ голода; тогда пришелъ онъ къ одному человѣку и нанялся пасти свиней, чтобы имѣть какую нибудь пищу, но и тутъ никто не давалъ

*) Богослуженіе Православной Церкви, протоіерея Дебольскаго. 612 стр.

ему, даже и рожцевъ или жолудей, которыми питались свиньи. Будучи въ такой крайности, опомнился онъ наконецъ и сталъ думать, какъ дурно поступалъ прежде; раскаиваясь въ этомъ, думалъ онъ, какое изобиліе въ хлѣбахъ имѣютъ, даже и работники отца моего, а я умираю здѣсь отъ голода.

При этомъ, сказалъ онъ самъ себѣ: пойду къ отцу моему и скажу ему: «Родитель мой! согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ тобою, и уже недостоинъ называться твоимъ сыномъ, сдѣлай меня хотя наемникомъ своимъ.» Съ этимъ намѣреніемъ пошелъ онъ къ отцу своему, который, еще издали примѣтивъ приближеніе его, пошелъ къ нему на встрѣчу, и такъ милъ показался ему его блудный сынъ своимъ чистосердечнымъ раскаяніемъ, что онъ обнялъ его и велѣлъ служителямъ принести для него лучшую одежду, сапоги на ноги его и перстень на руку и потомъ велѣлъ взять изъ стадъ своихъ лучшаго, упитаннаго теленка, приготовить обѣдъ и началъ съ домашними своими праздновать и веселиться, говоря: «Радуйтесь всѣ со мною! потому что этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, погибъ было совершенно для меня и теперь нашелся снова.»

Эта притча учитъ насъ тому, чтобъ мы не отчаявались никогда въ милосердіи Отца нашего небеснаго, что Онъ проститъ всѣ грѣхи наши, если увидитъ истинное раскаяніе, съ твердымъ намѣре-

ніемъ исправиться. *Третья* приготовительная недѣля, называемая *сырною* и *мясопустною*, а по просту масляницей, посвящена воспоминанію страшнаго суда Господня; для того въ воскресенье этой недѣли—«Церковь, вразумляя намъ литургійнымъ еван«геліемъ о будущемъ всеобщемъ и страшномъ су«дѣ живыхъ и мертвыхъ (Матв. XXV, 31—46), «внушаетъ, что никто изъ насъ не долженъ чрезмѣрно «надѣяться на великое милосердіе Божіе; потому«что милосердый Господь, есть вмѣстѣ и праведный «Судія, имѣющій воздать каждому по дѣламъ».

«Въ седьмицу *сырную* или *масляную*, по ядѣнію «во время ея сырной пищи, ради приготовленія къ «посту, Церковь внушаетъ, что эта седмица есть «уже *преддверіе поста и покаянія*. Посему, въ «эту седмицу Церковь не сочетаваетъ браковъ, «въ среду и пятницу ея не совершаетъ литургіи, «а часы, и съ колѣнопреклоненіемъ произноситъ «молитву: Господи и Владыко живота моего, и «проч. Въ среду, для примѣра и поощренія шест«вующихъ къ посту, прославляетъ ветхозавѣтныхъ «святыхъ, пребывавшихъ въ подвигахъ поста; въ «пятницу воспоминаетъ крестныя страданія Спаси«теля, а въ субботу творитъ память всѣхъ св. пре«подобныхъ и богоносныхъ мужей и женъ, про«сіявшихъ богоугоднымъ пощеніемъ. Въ воскресный «и послѣдній день седьмицы, Церковь приводитъ намъ

«на память *изгнаніе прародителей изъ Рая за «непослушаніе*, представляя въ утратѣ ими не«виннаго блаженнаго своего состоянія побужденіе «къ посту, молитвѣ и покаянію. Согласно съ сло«вами Евангелія, читаемаго въ этотъ — послѣдній «день предъ Великимъ Постомъ, внушающаго про«щать ближнимъ согрѣшенія и примиряться со всѣ«ми, чада прав. Церкви въ послѣдній день сырной «недѣли, по древнему, благочестивому обычаю, въ «знакъ примиренія и прощенія, молятся объ умер«шихъ, посѣщая кладбища, и взаимно прощаются». *)

— Видите, друзья мои, какому важному воспоминанію, посвящена эта недѣля, называемая у насъ *масляницей*, которую по настоящему должно проводить, не только не въ безумномъ веселіи, а напротивъ, въ памятованіи того, что она есть преддверіе великаго покаянія и приготовленія себя какъ бы къ страшному суду Господню!—Потому разсудите сами, у мѣста ли эти суетныя увеселенія?— А что не на мѣстѣ, то непремѣнно служитъ ко вреду и должно быть отвергнуто благомыслящими людьми.

Простой народъ, по невѣдѣнію, предается масляничному колобродству, думая навеселиться на весь

*) Богослуженіе прав. церкви.—Дебольскаго стр. 127.

Великій Постъ; разумѣется, что это происходитъ отъ грубаго невѣжества.

Однако они, по крайней мѣрѣ, исполняютъ повелѣніе нашей Церкви, не ѣдятъ мяса въ эту недѣлю; хотя не менѣе того, объѣдаются блинами и, что еще хуже, опиваются виномъ! Жалкое познаніе на счетъ закона. Но имъ скорѣе простится нежели намъ, знающимъ — и не исполняющимъ! — Самъ Спаситель сказалъ: «Ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него» и проч. (Луки гл. XII ст. 48).

Церковь, какъ нѣжная матерь, желая смягчить по возможности строгость наступающаго поста не вдругъ обрекаетъ насъ на пощеніе, а помаленьку: отнявъ прежде мясо, оставляетъ сыръ, яицы и молоко, чтобы исподоволь приготовить желудокъ къ великопостному воздержанію, которое впрочемъ вовсе не состоитъ въ томъ, чтобъ изнурять себя голодомъ или употреблять пищу, явно противную слабымъ желудкамъ, а въ томъ, чтобы отказывать себѣ въ излишествахъ и особенныхъ сластяхъ, въ роскошествахъ и пр., а то, пожалуй, я знавала одного русскаго нашего купца, носившаго длинную бороду, по обычаю предковъ, который, владѣя милліоннымъ состояніемъ, раздавалъ, изъ тщеславія, толпамъ нищихъ грошами значительныя суммы, но когда рѣчь шла о секретной помощи истинно достойному помощи семейству честнаго купца, имъ же, этимъ милліонеромъ, разореннаго, то онъ, отворачиваясь и поглаживая свою сѣдую козланую бороду, говорилъ: «Мало ли бѣдныхъ семействъ! Всѣмъ не напомогаемъ.» — Онъ же — этотъ холодный себялюбецъ, однако, строго соблюдалъ посты и гордо хвалился въ городѣ своимъ постнымъ столомъ, и какою нибудь рѣдкостною огромною рыбою въ сто руб. серебромъ. Судите же сами, друзья мои, что мы дѣлаемъ? не совершенно ли вопреки поступаемъ такому именно материнскому попеченію объ насъ Св. Церкви? не только не стараясь свыкаться съ мыслію о покаяніи, а еще, напротивъ, отдаляя ее отъ себя, предаемся всевозможнымъ дурачествамъ, именно въ ту недѣлю, которая избрана для приготовленія къ сокрушенію и раскаянію въ сдѣланныхъ нами неправдахъ и ослушаніи передъ Богомъ! — Не страшно ли должно казаться всѣмъ, кто знаетъ уставъ нашей православной Церкви, что мы христіане, принадлежащіе къ ней, съ самаго рожденія нашего на свѣтъ, осмѣливаемся поступать такъ, совершенно вопреки ея благихъ повелѣній?

Вотъ, что значитъ эта *сырная недѣля*, т. е. *масляница* по нашему, столь важная въ Богослуженіи по догматамъ церковнымъ и столь мало уважаемая нами!

— Да, милая бабушка; однако, развѣ никогда нельзя веселиться? спросили дѣти.

— Можно, друзья мои; но только на все есть приличное время; еслибы, напримѣръ, въ часы, назначенные для ученья, вы, не слушаясь своихъ родителей и наставниковъ, стали бы играть и бѣгать, стараясь забыть, что написано въ книгѣ и удалили бы всякую мысль с прилежаніи къ своимъ урокамъ: что же бы изъ этого произошло? Признайтесь сами; не остались ли бы вы чрезъ это, самыми глупыми и ни къ чему неспособными людьми, когда бы выросли и большіе? Не такъ ли, мои душеньки?

— Конечно такъ, милая бабушка, мы бы не умѣли ни читать, ни писать! да еще и то надобно сказать, что всегда веселѣе играть и бѣгать какъ поучишься хорошенько.

— Совершенно тоже выходитъ и при нашемъ теперешнемъ разговорѣ. Не запрещено ни кататься съ горы, ни качаться на качели, кто этого желаетъ: движеніе очень полезно для здоровья; или веселиться другимъ приличнымъ образомъ; но должно и среди этихъ веселій всегда помнить о томъ, что веселья наши не должны быть противны Богу какъ дѣйствіями, такъ и помыслами нашими, и это всегда, во всякую пору, но въ особенности теперь, въ ту недѣлю, которая назначена для приготовленія къ посту и напоминаетъ намъ страшный судъ Божій,

именно, чтобы мы не забывали, что сколько бы лѣтъ не прожили здѣсь на землѣ, однако умремъ непремѣнно и должны будемъ предстать праведному суду Господнію, куда страшно явиться, не исполнивъ того, что было намъ приказано. Потому самъ разсудокъ говоритъ, что лучше исправиться, раскаяваясь въ положенное на то время въ дурныхъ дѣлахъ своихъ и стараясь быть лучшими!

— Совершенная правда, милая бабушка! но не зная того, что вы теперь намъ разсказали, мы думали, что въ масляницу непремѣнно должно веселиться, сказалъ Николенька, очень умный мальчикъ; но за то уже въ Великій Постъ, всѣ у насъ въ домѣ: папенька, маменька, люди, даже и мы дѣти, всегда кушаемъ постное.

— И у насъ также, замѣтяла дѣвочка Любаша, вотъ послѣ завтра и подадутъ на столъ вмѣсто миски съ супомъ, множество простыхъ глиняныхъ горшечковъ, а въ нихъ щи съ грибами, горохъ вареный, каша гречневая; потомъ кислая капуста съ прованскимъ масломъ, и красный кисель съ сахаромъ; даже и рыбы въ первую недѣлю не бываетъ; стало быть, милая бабушка, мы исполняемъ все, что приказано въ Великій Постъ?

— Да, отчасти такъ, друзья мои! я знаю, что ты Николенька и ты Любаша, принадлежа къ благочестивымъ православнымъ семействамъ, привык-

нувшимъ къ употребленію постной пищи еще съ ребячества, привыкли и сами къ великопостной русской пищѣ, и она, слава Богу, не вредна вамъ, а напротивъ еще служитъ отчасти очищеніемъ крови послѣ продолжительной мясной пищи. Все это очень похвально; однако жъ, одно постное масло, щи и горохъ, не составляютъ еще настоящаго поста.

— Какой же еще надобно, милая бабушка? Неужели какъ наша старушка няня, которая не кушаетъ ничего горячаго всю первую и послѣднюю недѣли Великаго Поста, а все только холодное: огурцы, капусту, сухой хлѣбъ, и запиваетъ квасомъ? Это трудно!

— Если она дѣлаетъ изъ усердія къ воздержанію, въ эти великіе дни, то для нея очень хорошо, однако жъ, даже и такой постъ не есть еще настоящій!

— О! неужели же должно ничего не кушать?

— Нѣтъ, этого отъ насъ не требуютъ, хотя конечно бывали такіе святые подвижники, которые чрезвычайно мало употребляли пищи въ эти дни; но мы, обыкновенные люди, слишкомъ для того слабы. А вотъ что необходимо, если желаемъ вполнѣ совершить постъ, такъ какъ повелѣваетъ намъ наша православная Церковь, что и поютъ на стихирахъ, въ понедѣльникъ Великаго Поста, именно: «Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви; «истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздер-

«жаніе языка, ярости отложеніе, похотей (прихотей) «отлученіе, оглаголанія (клеветы) лжи и клятвопре-«ступленія».—Видите, друзья мои, что при воздержаніи въ пищѣ, надобно воздержаніе и въ душѣ. Напримѣръ, если мы кушая грибы и горохъ, будемъ сердиться на кого нибудь, не постараемся воздерживать языка своего, чтобы не осуждать ближнихъ нашихъ; испрашивая постомъ помилованія себѣ отъ Господа, будемъ немилостивы къ другимъ; тогда постное наше кушанье сочтется ни во что! Это будетъ фарисейскій постъ, противный Богу; какъ Фарисей, уничтожая другихъ людей, радовавшійся, что самъ постится два раза въ недѣлю, былъ осужденъ, такъ точно и мы, если, будучи довольны сухоядѣніемъ нашимъ, не постараемся притомъ воздерживаться отъ всего дурнаго, напримѣръ: отъ непослушанія, отъ лжи, отъ осужденія другихъ, отъ немилости къ бѣднымъ и страждущимъ; тогда не поможетъ намъ никакой постъ, хотя бы мы и совсѣмъ ничего не ѣли; все таки, это будетъ постъ противный Богу!

Поговоримъ теперь о картинахъ нашихъ. Онѣ представлены вамъ, друзья мои, съ тою цѣлію, чтобы лучше оставались въ памяти вашей тѣ самыя дѣла, какія должны быть совершаемы при исполненіи настоящаго поста, угоднаго Богу.

картина I. Она представляла *Смиреніе*, какъ необходимую добродѣтель для полученія милости Божіей и исправленія своихъ недостатковъ, къ чему приводитъ насъ Великій Постъ.

картина II. Тутъ изображенъ городъ, гдѣ добрыя дѣти подаютъ милостыню нищимъ. Это значитъ то, что заслужить прощеніе отъ Бога нельзя иначе, какъ самому быть милостиву къ ближнему и съ любовію стараться помочь ему.

картина III. Дѣвочка у постели больной женщины, учитъ насъ, что Христіанину должно навѣщать больныхъ и, не жалѣя собственнаго покоя, проводить, если нужно, и ночи у постели страждущаго.

картина IV. Мысль этой картины та, что мы должны посѣщать несчастнаго, заключеннаго въ темницѣ, и стараться облегчить участь его, возбудивъ въ душѣ истинную вѣру и подать ему утѣшенія въ надеждѣ на милосердіе Божіе. Это то и представляетъ мальчикъ, читающій узнику Евангеліе.

картина V. Тутъ лежитъ ослабѣвшій отъ голода человѣкъ, и добрыя дѣти приносятъ ему пищу; онъ оживаетъ.

картина VI. Здѣсь представлена убогая хижина и бѣдныя сироты, которыхъ двѣ милыя, добренькія дѣвочки, одѣваютъ въ теплыя шубки. Это означаетъ, что бѣднаго человѣка должно снабдить одеждою, изъ любви къ своему ближнему.

картина VII. Суровая зима, въ дремучемъ лѣсу, гдѣ по дорогѣ, занесенной снѣгомъ, бредетъ усталый странникъ; два мальчика и дѣвочка, какъ добрые Ангелы прибѣгаютъ къ нему на помощь и ведутъ его къ себѣ въ домъ, чтобы тамъ обогрѣть и накормить его. Они также исполняютъ одно изъ повелѣній Господнихъ: ввести странника въ домъ свой.

картина VIII. Великолѣпный садъ, этой картины представляетъ награду этихъ добрыхъ дѣтей, которыя исполнили всѣ добродѣтели Христіанскаго закона, но не возгордились этимъ, а напротивъ заслужили вѣнецъ, доставленный имъ душевнымъ смиреніемъ, который и блистаетъ на головѣ каждаго изъ нихъ; въ награду за что и наслаждаются они теперь вѣчнымъ блаженствомъ на небесахъ, гдѣ царствуетъ истинная безконечная радость.

Замѣтьте, друзья мои, также и число картинъ: ихъ восемь; онѣ представляютъ *семь недѣль* великаго поста, время назначенное на подвиги христіанскіе и воздержанія отъ всякаго излишества, какъ въ пищѣ, такъ и въ прочихъ прихотяхъ; даже излишнее удовольствіе неприлично въ это время. Осьмая же наша картина, представляющая награду, есть уже какъ бы Свѣтлое Воскресеніе, означающее торжественный отдыхъ и воздаяніе за исполненіе предписанныхъ намъ добродѣтелей.—Дай Богъ! милыя дѣти, чтобы и мы совершили, хотя по одной

изъ нихъ въ каждую недѣлю Великаго Поста и чрезъ то удостоились достигнуть въ радости Свѣтлаго Воскресенія, какъ награды за наше стараніе угодить Богу и быть полезными нашему ближнему. Заслужимъ же золотой вѣнецъ смиренія!

Награда добрыхъ дѣтей была послѣднею картиною; будемъ просить и молить Господа, друзья мои, чтобы подобное событіе совершилось и съ нами, въ послѣдней картинѣ жизни нашей и чтобы заслужить намъ, величайшее счастіе, явиться на страшномъ судѣ, въ числѣ праведныхъ, которымъ Самъ Спаситель скажетъ: «Пріидите благословеніи Отца «Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ «сложенія міра. *Взалкахся бо, и дасти ми ясти;* «*возжадахся и напоисти мя; страненъ быхъ и* «*введосте мене; нагъ и одѣясте мя; боленъ и* «*посѣтисте мене; въ темницѣ быхъ, и пріидо-* «*сте ко мнѣ!*»

Тѣмъ же, которые не исполнили этихъ добродѣтелей, страшный гласъ Господа произнесетъ: «Идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный!» (Мат. 25, 34, 35, 36).

Такъ кончила бабушка разсказъ свой и всѣ дѣти, слушавшія съ умиленіемъ и радостію первыя слова ея, вздрогнули отъ ужаса при послѣднихъ, обѣщаясь отъ всей души, какъ можно чаще объ этомъ думать и начать Великій Постъ, съ твердымъ

намѣреніемъ исправиться и воздерживаться отъ излишества пищи, воздерживаться и отъ всего дурнаго, чѣмъ могутъ прогнѣвить Бога и своихъ родителей.

Послѣ того, простились всѣ другъ съ другомъ, по древнему русскому обычаю въ эти дни, и старшіе развезли дѣтей по домамъ.

Можно поручиться, что всѣ эти милыя дѣти, достигнувъ и совершеннаго возраста, постараются исполнять видѣнное ими въ картинахъ, придуманныхъ благоразумными дѣвочками Машей и Лизой, а съ ними и всѣ юные читатели этой книжки; такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ заслужатъ блаженство, среди райскаго сада!

Разумѣется, подъ видомъ дѣтей, здѣсь представлены всѣ люди вообще, маленькіе и большіе, молоденькіе и старички. Кто все это исполнитъ, тотъ и будетъ совершенно счастливъ!

ТОРЖЕСТВЕННАЯ НОЧЬ

НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ НОЧЬ,

или

НАКАНУНѢ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Великолѣпный голубой сводъ яснаго неба покрывалъ своимъ неизмѣримымъ куполомъ обширную Россію, — милліоны звѣздъ сіяли, подобно драгоцѣннымъ алмазамъ и придавали неизъяснимую прелесть этому чудному небесному покрову.—Ясная, морозная ночь въ странѣ, лежащей къ сѣверу, и теплая, благоуханная въ южныхъ предѣлахъ той же благословенной Россіи, въ одно и то же время осѣняла небеснымъ свѣтомъ, какъ сѣверъ, такъ и югъ нашего любезнаго отечества. Это была ночь на 25 Декабря; ночь благодатная для всего земнаго шара! — Здѣсь, въ Россіи, радовала она нѣсколько милліоновъ жителей, озаряя тихимъ свѣтомъ своимъ двѣ великолѣпныя столицы, множество большихъ, хорошо отстроенныхъ городовъ, богатыхъ селъ, съ

каменными и деревянными церквами и бѣдныхъ деревенекъ, пріютившихся смиренно, въ какой нибудь лѣсной трущобѣ. Словомъ сказать, ночь эта радовала всѣхъ: знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, большихъ и маленькихъ, потому-что, по милости Божіей, вся Россія давно, давно освящена одною Православною Вѣрою!

Разумѣется, въ столицахъ и въ другихъ большихъ городахъ, много было разныхъ приготовленій въ эту спасительную ночь. — Однакожъ и маленькія деревеньки, и самыя бѣдныя хижины не были лишены сердечной отрады, ниспосылаемой благодатію Того, Кто равно любитъ весь родъ человѣческій и Кто родился въ эту ночь на землѣ, будучи предвѣчнымъ Богомъ, для того, чтобы искупить Своими дѣлами и страданіями весь родъ человѣческій.

Вотъ среди лѣса выстроено нѣсколько крестьянскихъ домовъ; войдемъ въ одинъ изъ нихъ, самый бѣдный, и посмотримъ что тамъ происходитъ. — Ясная ночь освѣщаетъ тѣсную избу, передъ образами теплится лампада, никого не видно, кромѣ одной старушки лѣтъ подъ 70, которая, засвѣтивъ свѣчку желтаго воска передъ Святыми иконами Спасителя и Божіей Матери, стоитъ на колѣняхъ и молится. Посмотримъ на нее хорошенько; она въ бѣдной одеждѣ и удручена годами; но она молится— и — юная, пламенная душа видна въ ея глазахъ,

устремленныхъ на Святыя иконы; твердая Вѣра и сладкое упованіе такъ укрѣпили ея силы, что она не чувствуетъ усталости, и сонъ для нея не существуетъ! Тишина и спокойствіе царствуютъ вокругъ нея.

Вдругъ что то зашевелилось въ углу, и звонкій, дѣтскій голосъ произнесъ: «Бабушка! бабушка! пора вставать, скоро заблаговѣстятъ къ заутрени.»

— Я не сплю, мое дитятко, отвѣчала старушка, вставая съ полу и отеревъ рукавомъ слезы умиленія, которыя текли ручьями по лицу ея.

Мальчикъ, лѣтъ семи, соскочилъ съ полатей, подбѣжалъ къ глиняному умывальнику, повѣшенному надъ лоханью, умылъ лицо и руки, и видя, что бабушка клала земные поклоны, принялся дѣлать тоже, потомъ, взглянувъ на окно, сказалъ громко: «Посмотри, бабушка, какая свѣтлая звѣздочка глядитъ прямо къ намъ! Она похожа на ту, что привела волхвовъ, на поклоненіе къ Спасителю младенцу, лежащему въ ясляхъ, какъ прочиталъ я тебѣ вчера въ моей книжкѣ; ахъ! какая свѣтлая ночь! Бабушка, пусти меня на улицу.»

— Поди, мое дитятко, я знаю, ты не боишься холоду, пріученъ ко всему!... охти мнѣ!—Старушка тяжело вздохнула.

Между тѣмъ Николинька выскочилъ на крыльцо, оттуда на улицу и остановясь по срединѣ площадки,

раскинувшейся передъ избою, повертывался во всѣ стороны; глаза его были устремлены на небо усѣянное звѣздами; морозъ былъ порядочный; но тишина въ воздухѣ необыкновенная; чувство радости было написано на лицѣ мальчика. — «Сегодня родился нашъ Спаситель! сказалъ Николинька; оттого, конечно, такъ ясно и сверкаютъ эти звѣздочки?» и вдругъ своимъ звонкимъ, пріятнымъ голосомъ запѣлъ: «Слава въ вышнихъ Богу! и на землѣ міръ»!

Бабушка, отворивъ свое косящетое окошко, выглядывала изъ него, крестилась и говорила: «Господи Боже! какое милое, набожное дитя!»

Въ эту минуту, услышавъ пѣніе Николиньки, маленькіе его товарищи выскочили изъ всѣхъ избъ, окружили его, и по его приказанію, весь этотъ многочисленный хоръ запѣлъ очень громко: «Христосъ рождается, славите! Христосъ съ небесъ, срящите! Христосъ на земли, возноситеся! Пойте Господеви вся земля, и веселіемъ воспойте людіе, яко прославися».

— Вотъ, вотъ! я думаю точно такъ, въ эту святую ночь пѣли Ангелы, когда рождался Христосъ? говорила старушка и плакала отъ умиленія.

Въ эту минуту и священникъ, проходя мимо, сказалъ имъ: «Вотъ хорошо! спасибо, дѣти мои, спасибо! такъ и должно славить Господа, Спасителя нашего! Святѣйшій младенецъ сохранитъ васъ и помилуетъ за такое усердіе. Я иду начинать заутреню, приходите и вы славить Господа молитвою и пѣніемъ, въ Его святомъ храмѣ.»

— По домамъ! скомандовалъ Николинька; надѣнемъ поскорѣе наши праздничные кафтанчики, и мигомъ въ церковь! — Все маленькое общество разсыпалось немедленно.

— Бабушка! бабушка! давай мнѣ скорѣе мой *нарядный* кафтанчикъ! кричалъ Николинька еще на лѣстницѣ. Бабушка и сама спѣшила исполнить его желаніе; достала изъ сундука крестьянскій кафтанчикъ изъ толстаго простаго сукна, однако синяго цвѣта, съ алымъ кушакомъ. Она костянымъ гребешкомъ пригладила кудрявые темнорусые волосы малютки, поцѣловала его въ голову и сказала: «Христосъ съ тобою, мое дитятко, ступай въ церковь и я тотчасъ уберусь, только поставлю тѣсто для завтрашняго пирога и приду къ заутрени».

Проворно собравъ своихъ товарищей, Николинька отправился съ ними въ церковь, бывшую въ полуверстѣ отъ этой деревеньки.

Благовѣстъ раздался, и они всѣ стали какъ слѣдуетъ на клиросѣ; заутреня началась, и многочисленный хоръ дѣтей удивительно согласно пѣлъ своими нѣжными серебристыми голосками Божественныя стихиры этого великаго дня.

По окончаніи службы, когда бабушка съ Нико-

линькой пошла домой, милый ея внучекъ опять сказалъ ей: «Посмотри, посмотри, бабушка, какъ ясно блистаютъ эти звѣздочки, онѣ какъ будто глядятъ на насъ изъ Божьяго рая! сегодня родился Спаситель, и конечно радуются и поютъ на небѣ Ангелы!—да и намъ здѣсь весело! да, моя милая бубушка, право очень весело!»

— Слава Богу! дитя мое, слава Богу! что тебѣ радостно... отвѣчала старушка, опять тяжело вздыхая.—Вотъ, по милости Божіей, мы съ тобою были у заутрени; когда придемъ домой, ты, мое дитятко, лягъ и засни.

— Какъ, бабушка! я не хочу спать теперь, ты сама говоришь, что это святая ночь?

— Да, конечно, мое красное солнышко! доподлинно это великая ночь, да ты еще малъ, тебѣ надобно отдохнуть. Вотъ часа черезъ два начнется и ранняя обѣдня; тогда я тебя разбужу, и голосокъ твой будетъ еще чище и звончѣе, если соснешь малёхонько.

— А ты, бабушка?

— Мнѣ некогда спать, дитя мое: хоть немного у насъ разносоловъ, однако слѣдуетъ приготовить что нибудь на розговѣнье, въ такой великій праздникъ! Вѣдь и ты постился со мною весь постъ! Вчера добрая сосѣдка Марѳа принесла намъ десятокъ свѣженькихъ яичекъ; а дочка другаго сосѣда,

Аксюша, криночку молока и пшеничной мучки, вотъ я и могу испечь пирожокъ, хоть и не изъ конфектной муки... охти мнѣ! того негдѣ взять, да и за то слава Богу и спасибо добрымъ людямъ, не такъ ли, дитя мое?

— Такъ, бабушка, такъ! мнѣ очень хочется твоего пирога; сейчасъ бы попробовалъ его!

— Что ты, что ты, мой батюшко? еще у обѣдни мы не были, какъ же можно разговляться?

— Сохрани Богъ! я и самъ не стану ѣсть теперь; а только сказалъ нарочно, чтобы тебя потѣшить.

— Да, да, сокровище мое ненаглядное, ты то всегда меня утѣшаешь; а я, горемышная, ничѣмъ то не могу и поподчивать тебя въ праздникъ Господень! Что дѣлать? бѣдность одолѣла... охти мнѣ!

— Полно охать, бабушка, въ такую святую ночь! Вѣдь, говорятъ, да и ты же мнѣ говаривала не разъ, что не должно роптать.

— Да, мой разумничекъ! точно грѣшно, мы бѣдные люди, конечно, да вѣдь и для насъ также, какъ и для богатыхъ, родился сегодня Спаситель.

— Вотъ видишь, бабушка; стало быть и мы также счастливы, какъ и богатые? А вотъ что давно хочу спросить у тебя; вчера деревенскіе наши парни нарубили въ лѣсу множество молодыхъ елокъ и повезли продавать въ городъ: зачѣмъ это богатые горожане покупаютъ елки?

— Охъ мое сердечушко... что ты спросилъ у меня, голубчикъ ты мой?... Для того покупаютъ, чтобъ забавлять ими дѣтей своихъ... а я то ничѣмъ не могу тебя потѣшить... такъ грустно сдѣлается на сердце!

— Какъ же можно забавляться елкою? Вѣдь она колется, бабушка!...

— Въ городахъ, мое дитятко, такое повѣрье завели господа, что возьмутъ елку, поставятъ ее въ горницѣ, навѣшаютъ на нее множество игрушекъ, яблоковъ, черносливу и всего сладкаго; а потомъ еще налѣпятъ на сучья елки множество восковыхъ свѣчъ и зажгутъ ихъ. Все это дѣлаютъ тихонько отъ дитяти, котораго хотятъ повеселить; и когда наступитъ вечеръ на Рождество Христово, вдругъ отворятъ эту горницу и дитя увидитъ освѣщенную елку; когда же нарадуется довольно, то ему станутъ дарить игрушки, яблоки и черносливъ, развѣшенные на елкѣ.

— Ахъ! какъ должно быть это весело!

— Да, мое дитятко.

— А гдѣ же ты видѣла это, бабушка?

— О! мое сердечушко, давно, очень давно, я это видѣла еще, когда твоя покойная... крестная маменька, была жива, царство ей небесное!... она вѣдь родилась отъ богатыхъ родителей и когда была еще ребенкомъ, то для нея то каждый годъ дѣлали

такую нарядную *елку*... Говоря это, старушка прослезилась.

— Опять! Бабушка, говорю же тебѣ, что сегодня грѣшно плакать... да и не объ чемъ! лучше будемъ благодарить Бога за то, что и намъ хорошо жить на свѣтѣ! Посмотри-ко на это голубое небо, на эти яркія звѣзды! Право никакая елка городская такъ блистать не будетъ, сколько хочешь налѣпи на нее свѣчъ! а я вотъ что скажу тебѣ: если бы я былъ эта дѣвочка или этотъ мальчикъ богатый, которому дарятъ нарядную елку, я бы вотъ что сдѣлалъ, обобралъ бы съ нея всѣ восковыя свѣчи и поставилъ ихъ передъ образами въ церкви; а яблочки и черносливъ отдалъ бы тебѣ; кушай на здоровье.

— И, мое дитятко, куда ужъ мнѣ старухѣ такъ лакомиться?

— Если ты не хочешь, бабушка, то я раздѣлилъ бы ихъ другимъ бѣдненькимъ ребятишкамъ,—въ игрушки, пожалуй поигралъ бы я самъ, да и тѣ послѣ подарилъ бы нищимъ старичкамъ и мальчикамъ: пусть продадутъ и купятъ себѣ хлѣбца.

— Да, да, солнышко ты мое красное! знаю, что твое доброе сердечко ничего бы не пожалѣло для нищей братіи... да Господь не судилъ такъ!... ты и самъ бѣдный сиротинушка; нѣтъ у тебя ни отца, ни матери, ни рода, ни племени!... Выговоривъ это, старушка зарыдала.

— Ой, ой, бабушка, что это съ тобою сдѣлалось, въ такую радостную ночь?—произнесъ Николинька, обнимая свою бабушку. — А не сама ли ты мнѣ говорила, что Богъ сиротамъ Отецъ? Подумай же, моя голубушка: самъ Богъ! Отецъ мнѣ, а Онъ такой милостивый ко всѣмъ намъ; посмотри какія ясныя создалъ звѣзды, чтобы свѣтили намъ и напоминали Божій рай! вѣдь мы всѣ тамъ будемъ, моя ненаглядная бабушка! поцѣлуй меня, и не плачь... Почему знать, можетъ быть эта радостная ночь, пророчитъ и намъ доброе!

— Дай то Богъ, мое дитятко! вотъ я ужъ и не плачу; ложись поскорѣе спать.

Старушка обняла своего умнаго внука и положила спать на его соломенную постель, и послушный мальчикъ, обернувшись старымъ бабушкинымъ одѣяломъ, тотчасъ заснулъ самымъ сладкимъ сномъ.

Старушка суетилась, ставила тѣсто, для извѣстнаго намъ пирога, какъ вдругъ послышался дорожный колокольчикъ. — Видно проѣзжаютъ дорожные, сердечушко мое, и въ эту святую ночь, они не дома! Управь, Господи! путь ихъ по добру, по здорову! подумала добрая старушка и перекрестилась.

Между тѣмъ колокольчики слышались громче и ближе, и наконецъ что-то грузное зашумѣло по хрупкому, замерзлому снѣгу и остановилось у самой избы старухи нашей. Занимаясь пирогомъ, она не

обратила на то своего вниманія, какъ вдругъ кто то постучалъ въ стѣну.

— Что это? сказала старушка, подошла къ окну, отодвинула свой косящетый ставень и, высунувъ голову, спросила: кто тамъ?

— Проѣзжіе, добрая старушка; перемерзли совсѣмъ, пусти погрѣться, отвѣчали ей съ улицы. Она еще болѣе высунулась въ окно и увидѣла, при свѣтѣ луны, большую дорожную кибитку, запряженную тройкой почтовыхъ; отъ лошадей валилъ паръ столбомъ; видно было, что онѣ измучены. Въ кибиткѣ сидѣлъ господинъ въ военной шинелѣ на енотовомъ мѣху.

— Пустишь насъ, или нѣтъ, добрая старушка? спросилъ онъ опять.

— Изволь, мой батюшка! изволь, избенка то у меня тѣсна; да коли угодно вамъ, то милости просимъ! Пріѣзжій проворно выскочилъ изъ кибитки и скоро вошелъ въ избу; взглянувъ на иконы, передъ которыми теплилась лампада, онъ перекрестился и сказалъ: «Здорово, бабушка, спасибо, что пустила погрѣться, перезябли совсѣмъ; цѣлый день почти ѣздили, занесло снѣгомъ дорогу и мы ее потеряли, а здѣсь у тебя и тепло и хорошо.»

— Очень рада, добрый баринъ, что вамъ у насъ

понравилось; не припасти ли чего горячаго обогрѣться вашей милости?

— Очень бы хорошо, добрая хозяюшка, поставько самоваръ.

— Охъ! мой батюшка, самоварчика–то у меня нѣту; а вотъ есть большой чайникъ, мигомъ вскипитъ вода... да только чаю то у меня тоже нѣтъ; развѣ не разогрѣть ли постныхъ щей?

— Объ чаѣ не хлопочи, хозяюшка; у меня все есть съ собою, и чай и сахаръ, только кипяточку приготовь.

— Сейчасъ, сейчасъ, добрый баринъ! говорила старушка, раскладывая еще бо̀льшій огонь въ печкѣ.

Пріѣзжій, между тѣмъ, желая обогрѣться, ходилъ взадъ и впередъ по тѣсной горницѣ и, примѣтивъ спящаго ребенка, спросилъ: «Это кто? вѣрно внукъ твой?»

— Да, мой батюшка, внучекъ, онъ со мной былъ у заутрени, усталъ и вотъ теперь спитъ. Между тѣмъ, проѣзжій, остановясь передъ спящимъ Николинькой долго смотрѣлъ на него, при свѣтѣ лучины, горѣвшей на *свѣтцѣ* посрединѣ избы.

Мальчикъ нашъ спалъ безъ просыпу; хорошенькое его личико было чрезвычайно привлекательно, длинныя черныя рѣсницы закрытыхъ глазъ оттѣняли розовыя его щечки; неизмѣняемое спокойствіе невинности сіяло во всѣхъ чертахъ и Ангельская

улыбка довершала красоту, истинно добраго мальчика.

— Какой красивый у тебя внукъ! сказалъ проѣзжій; давно не видалъ я такого прекраснаго ребенка.

— О! да, мой батюшка, да кабы вы знали, какая у него добрая душа, какой онъ набожный и трудолюбивый! то и пуще бы онъ вамъ понравился.

— А который ему годъ?

— Семь лѣтъ минуло, съ вешняго Николы.

— Какіе года! произнесъ проѣзжій.

— Еще небольшія, мой батюшко, онъ бѣдняжка сиротинка вотъ уже третій годокъ...

— А чей онъ сынъ?

— Чей сынъ?... да, сынъ чей?... онъ мой батюшка... внукъ мнѣ.

— Я это знаю, но кто были его отецъ и мать?

Нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— Ты, конечно, глуховата, старушка? а я боюсь громко говорить, чтобы не разбудить его; подойди поближе.

— Нѣтъ, мой батюшка... нѣтъ—я не глуха, слава Богу... о чемъ бишь... изволили спрашивать?

— Чей сынъ, этотъ мальчикъ?

— Чей сынъ?... да... онъ сынъ... крестьянина...—нашъ братъ! добрый господинъ... да вотъ и чайникъ закипѣлъ, прикажете подавать? вы не слы-

хали, мой батюшка, чайникъ-то закипѣлъ, повторила старуха, подумавъ въ свою очередь, что гость ея глухъ.

— А, закипѣлъ... ну хорошо.. будемъ чай пить, отвѣчалъ онъ наконецъ, не трогаясь съ мѣста.

Старуха между тѣмъ накрыла столъ толстою, но чистою скатертью, принесла чайникъ на изломанномъ подносѣ, и оборотясь сказала: «вода готова; гдѣ же чай, добрый баринъ?»

— Да, чай... чай... сейчасъ мы его достанемъ; сказавъ это, онъ подошелъ къ окну и закричалъ на улицу: «Василій! принеси мой погребецъ.»

Скоро вошелъ бравый солдатъ, деньщикъ пріѣзжаго, принесъ дорожный погребецъ; баринъ подалъ ему ключи; онъ отперъ, вынулъ серебряный чайникъ, двѣ фарфоровыя чашки и связку кренделей, потомъ насыпалъ чаю въ чайникъ, налилъ кипяткомъ и разставя все въ порядкѣ на столѣ, сказалъ: «Готово, ваше высокоблагородіе!» и хотѣлъ удалиться.

— Куда же ты? останься здѣсь и погрѣйся; тебѣ, я думаю, еще холоднѣе было сидѣть на козлахъ нежели мнѣ, а я перемерзъ и въ кибиткѣ.

— Мы привыкши, ваше высокоблагородіе! намъ морозъ ни почемъ.

— Однако все лучше погрѣться у теплой печки, а послѣ меня, напейся хорошенько горячаго чаю.

— Благодаримъ покорно, ваше высокоблагородіе, очень много вашихъ милостей.

— Вотъ спасибо! какой добрый баринъ, думала старуха, поглядывая то на того, то на другаго. Наконецъ, видя, что проѣзжій опять задумался, рѣшилась сказать: «да чаекъ-то вашъ простынетъ, сударь.»

— Да, да я и забылъ, хорошо, садись старуха къ столу, мы вмѣстѣ напьемся чаю.

— Я? мой батюшка, я? и—пристойно ли же мнѣ сидѣть при васъ?

— Отчего же нѣтъ?! садись, голубушка, безъ церемоніи! Говоря это, баринъ налилъ другую чашку и приказалъ старухѣ сѣсть непремѣнно; она повиновалась, онъ подалъ ей чашку; а надъ своею опять задумался, облокотясь на столъ; потомъ, оправясь, проворно выпилъ свою чашку и спросилъ хозяйку:

— Какъ ты думаешь, бабушка, далеко ли отсюда, до Староселья?

— Да не близко, отвѣчала старуха, тяжело вздыхая; верстъ 25 будетъ.

— А что, добрая старушка, ты, я думаю, знавала ту самую барыню, которой принадлежала усадьба?

— Какъ же, батюшка, знавала.

— Давно уже она скончалась?

— Давненько, сударь; ужъ годика четыре будетъ.

— Кто же теперь живетъ тамъ?

— Да, Богъ ихъ знаетъ; говорятъ какіе то наслѣдники, которые вдругъ наѣхали и раздѣлили все между собою, до послѣдней ниточки.

— Скажи пожалуйста, не слыхала ли ты чего о племянницѣ старой то барыни?

— Какъ не слыхать, мой батюшка, это былъ Ангелъ Божій, а не барыня.

— И она скончалась?

— Да, мой батюшка! Господь прибралъ ее къ Себѣ, царство ей небесное! помучилась то она сердечная, на бѣломъ свѣтѣ.

— Какъ, чѣмъ же, развѣ долго была больна?

— Нѣтъ болести то, кажись, и не было, да злодѣйка кручина извела ее совсѣмъ, какъ былиночку.

— Какая же кручина?

— Охти, мой отецъ родной! я ужъ и не знаю, какъ разсказать тебѣ... сперва вышла она замужъ, хоть и за богатаго барина, но кажись счастливо, оба любили другъ друга и онъ ее и она его. Да вдругъ поднялись враги нехристи на нашего то царя православнаго; осмѣлились, батюшка, воевать съ нимъ. Вотъ и пошли наши солдатушки съ своими командирами въ походъ, подъ Турка, чтобы отстоять грудью матушку Святую Русь! Баринъ то молодой служилъ въ полку и былъ, сказываютъ, самый храбрѣйшій... Онъ, мой голубчикъ, не пожалѣлъ и своей

молодой жены, полетѣлъ драться за батюшку Царя Православнаго, взялъ, сказываютъ, у врага что-то большое... не помню какъ называется.

— Крѣпость что ли?

— Да, да, крѣпость, крѣпость отбилъ у Турка, да только самъ то и свою головушку положилъ на томъ мѣстѣ. Прежде писали барынѣ, что пропалъ безъ вѣсти соколъ ея ясный, а потомъ пришло письмо, что нашли его между убитыми и похоронили на чужой сторонѣ!

— Ну! чтожъ она?

— О! мой батюшка! она такъ стала горевать, такъ заливалась слезами, что какъ и глазокъ то своихъ не выплакала?—Вотъ видишь, мой добрый баринъ, и у тебя слезки навернулись... всякому постороннему ее жалко... то каково же мнѣ?... Она, сударь, и выросла и скончалась на моихъ рукахъ.

— Ты, конечно, знала ея мужа?

— Вотъ то-то, что нѣтъ, мой добрый баринъ; я разскажу какъ это случилось; передъ тѣмъ какъ барышнѣ то моей выдти замужъ, мнѣ написали отсюда, что матушка моя больна отчаянно; вотъ меня старая то барыня и отпустила сюда, ходить за моей больной матерью; а мы жили тогда очень далеко отсюда; вотъ пока я ѣхала, пока, прохворавъ цѣлый годъ, матушка то моя скончалась, а барышня то между тѣмъ вышла замужъ и уѣхала далеко съ

своимъ мужемъ, такъ ужъ мнѣ и не пришлось его видѣть.—А потомъ пошелъ онъ въ походъ, гдѣ уже и кончилъ жизнь; барыня же моя, бѣдная, овдовѣвъ, пріѣхала сюда къ своей тетушкѣ съ маленькимъ сынкомъ.

— А сынъ ея живъ?

— Живъ... нѣтъ, что я говорю?... нѣтъ, батюшка... не знаю какъ сказать.

— Да вѣдь онъ здѣсь былъ, какъ же ты не знаешъ?

— Да такъ, сударь... когда пріѣхали сюда новые то наслѣдники... послѣ старой барыни, то молодая вскорѣ сама скончалась, горе то ее убило!

— Но сынъ то ея гдѣ же?

— Не знаю... сударь... можетъ быть кто нибудь... и взялъ его.

При этомъ словѣ старухи, раздался громкій благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, мальчикъ спавшій на лавкѣ проснулся, вскочилъ на ноги и сказалъ громко: «Бабушка! Это ужъ обѣдня начинается! Пойдемъ скорѣе!...».

Пріѣзжій господинъ вздрогнулъ, какъ будто испугался чего то.

— Первый разъ еще ударили въ колоколъ; поспѣемъ, Николенька. Проѣзжій опять вздрогнулъ. «И голосъ матери, и даже самое имя моего малютки—»

подумалъ онъ, устремивъ пристальный взоръ на мальчика, который, увидѣвъ незнакомаго господина, остановился передъ нимъ и, поклонясь ему низко, началъ сбираться идти въ церковь; сперва умылся, потомъ, проворно вскочивъ на лавку, досталъ съ гвоздя свой синій кафтанчикъ, надѣлъ его и встряхнувъ своими густыми кудрями, сказалъ: я совсѣмъ готовъ, бабушка; пойдемъ же скорѣе.

— Мнѣ еще надобно вынуть пирогъ мой, голубчикъ; вѣдь у насъ только и есть на розговѣнье.—Ступай одинъ, ты дорогу знаешь въ церковь; а я приду послѣ.

— Зачѣмъ же ему одному идти? сказалъ пріѣзжій; я также русскій, знаю, какой сегодня великій день и очень радъ, что могу отслушать здѣсь обѣдню: пойдемъ, дружокъ мой, со мною, ты еще будешь и проводникомъ моимъ до церкви.

Николенька, какъ умный мальчикъ, не противился приглашенію незнакомца; поклонился барину и еще помогъ ему надѣть шинель и отыскалъ его фуражку

Пріѣзжій ласково взялъ за руку милаго мальчика и они пошли вмѣстѣ, какъ давно знакомые пріятели; дорогою Николенька опять восхищался звѣздами и замѣчалъ красоты зимней природы; незнакомый господинъ открывалъ въ немъ болѣе и болѣе мягкую, поэтическую душу, преисполненную

возвышенныхъ чувствъ, и удивлялся, смотря на его крестьянскій кафтанъ изъ толстаго, простаго сукна.

Они вошли въ церковь, Николенька помѣстился на клиросѣ со множествомъ мальчиковъ, его товарищей; онъ своимъ превосходнымъ дискантомъ задавалъ имъ тонъ и они пѣли чрезвычайно согласно; его же восхитительное сопрано выдавалось изъ всѣхъ прочихъ. Пріѣзжій не могъ надивиться, какимъ образомъ, въ такой глуши, могъ составиться такой превосходный хоръ пѣвчихъ, и когда окончилась обѣдня и молебенъ, онъ подошелъ къ священнику и сталъ просить растолковать ему эту загадку. Священникъ отвѣчалъ, что онъ самъ въ молодости былъ архіерейскимъ пѣвчимъ и потому могъ обучить крестьянскихъ мальчиковъ.—А вотъ главный уставщикъ мой! прибавилъ онъ, потрепавъ Николеньку по плечу; онъ хотя и моложе всѣхъ мальчиковъ, однако считается лучшимъ моимъ ученикомъ и служитъ для другихъ примѣромъ кротости и послушанія.—Сказавъ это, священникъ сталъ просить пріѣзжаго къ себѣ въ домъ, чтобы разговѣться вмѣстѣ. Но онъ, поблагодаривъ его, сказалъ, что не хочетъ обидѣть старушку, которая его такъ ласково приняла и обогрѣла, и взявъ опять за руку новаго своего пріятеля Николеньку, пошелъ съ нимъ обратно въ ветхую ихъ избенку. Старушка, слѣдуя за ними, была внѣ себя отъ радости, что такой важный полковникъ

полюбилъ ея внука и только сокрушалась, что нечѣмъ его угостить, кромѣ одной яичницы и пшеничнаго пирога съ кашей, да съ соленою рыбкою.

Они пришли; военный баринъ опять посадилъ старушку подлѣ себя; она исполнила его приказаніе, но прежде проворно вынула пирогъ изъ печи и поставила его вмѣстѣ съ чаемъ, приготовленнымъ деньщикомъ полковника. Теперь же прибылъ и еще собесѣдникъ—Николенька. Баринъ, поглаживая завитые кудри Николеньки, ласкалъ его и посадилъ еще ближе къ себѣ, нежели его бабушку, постоянно любуясь его прелестнымъ личикомъ.

— Ты мнѣ не досказала давича, добрая старушка, гдѣ же сынокъ-то молодой барыни? началъ пріѣзжій, когда они принялись пить чай и обѣдать вмѣстѣ.

— Охъ! мой отецъ родной... не умѣю-то я лгать... батюшка ты мой... вижу какой ты добрый... зачѣмъ отъ тебя таиться... наклонись-ка ко мнѣ, я скажу тебѣ на ушко... подлѣ вѣдь вашей милости сидитъ ея сыночекъ.

— Какъ? воскликнулъ пріѣзжій, вскочивъ съ своего мѣста.

Старушка вздрогнула, затряслась вся какъ осиновый листъ, и упавъ на колѣни передъ образами, воскликнула: «Господи! убей меня! накажи меня! если

я сдѣлала худо... но сохрани, помилуй и защити моего Николеньку!»

— Какъ! это онъ? Николенька? вскрикнулъ пріѣзжій.

— Я Николенька, что вамъ угодно, добрый баринъ? сказалъ мальчикъ, смотря пристально на гостя. Но тотъ, схвативъ его, принялся цѣловать, посадилъ къ себѣ на колѣни и мальчикъ отвѣчалъ на его ласки, прижимался къ нему, обнималъ его своими ручонками.—Потомъ, видя отчаяніе старухи, добрый господинъ поднялъ ее съ пола, старался успокоить и просилъ, чтобы уже теперь разсказала она ему все подробно.

— Не могу больше молчать,—произнесла старуха; только, батюшка, объяви мнѣ прежде твое имячко и прозваніе.

— Алексѣй Николаевичъ Милославинъ.

— Ну! такъ! такъ! Господи, благодарю Тебя! Да, да, ты, точно ты; мужъ моей бѣдной барыни... ты отецъ моего Николеньки!—теперь не боюсь проболтаться. Такъ вотъ извольте видѣть, когда барыня моя овдовѣла и возвратилась сюда къ своей старой тетушкѣ съ маленькимъ сыночкомъ, то она приняла ее очень ласково, все сбиралась написать духовную, гдѣ отказывала все свое имѣніе племянницѣ и внуку. Но не успѣвъ этого сдѣлать, скончалась и наслѣдники все обобрали, оставя одинъ старый флигель, гдѣ

позволили жить моей молодой барынѣ; гдѣ и она также скончалась, проживъ тутъ около года и питаясь своими трудами. Съ тѣхъ поръ какъ она возвратилась, я безотлучно была при ней и какъ прежде няньчила ее во младенчествѣ, такъ послѣ поручила она мнѣ ходить за ея сынкомъ. А какъ пошли тутъ ссоры, да дрязги между новыхъ наслѣдниковъ, то она уже и пуще извелась въ своемъ здоровьѣ, и дня за два до смерти, позвала меня къ себѣ, передала мнѣ съ рукъ на руки своего сынка, и заставивъ произнести клятву передъ образами, взяла съ меня честное слово, что я никому не скажу о томъ, что Николенька ея сынъ, а чтобы напротивъ, называла я его своимъ внукомъ и даже чтобы выростила его въ нашемъ крестьянскомъ быту; такъ чтобы и онъ самъ не зналъ о томъ, что отецъ и мать его были дворяне. А когда я осмѣлилась въ томъ ей противорѣчить, то она прибавила: «Знай же, вѣрная моя Даша, что ты погубишь его, если разскажешь, что онъ сынъ мой; потому что наслѣдники тетушкины такіе злые люди, что способны на все; они не остановятся убить его, только бы не мѣшалъ имъ владѣть ея имѣніемъ; а чтобы скрыть нашу тайну, придумала я вѣрное средство: вотъ тебѣ сто рублей, возьми ихъ, и какъ скоро меня похоронишь, тотчасъ съ Николенькой уѣзжай въ Малороссію, въ нашу прежнюю деревню,

куда выдана твоя дочка замужъ, тамъ поживи съ годикъ и потомъ пріѣзжай сюда на свою родину и тотчасъ распусти слухъ, что мальчикъ, взятый тобою, умеръ дорогою, и что ты привезла теперь своего роднаго внучка. Но, смотри, никому и никогда не открывай ввѣренной тебѣ тайны; пусть онъ выростетъ въ вашемъ простомъ быту, пусть сдѣлается добрымъ, трудолюбивымъ! Старайся только вложить въ душу его страхъ Божій, чтобъ онъ былъ благочестивъ и добръ, и тогда, право, все равно! Вѣдь ни дворянину, ни крестьянину, путь въ Царство Небесное не запертъ; тотъ и другой могутъ достигнуть вѣчной награды, въ какомъ бы званіи ни былъ.» Она, сердечная, замолчала, долго молилась, смотря на Святыя иконы, слезы тихо катились по ея блѣдному лицу, потомъ прибавила: «Въ одномъ только случаѣ снимаю съ тебя мою клятву, если вѣсть о смерти моего мужа окажется ложною и нечаянно какъ нибудь отыщется отецъ его; ему ты должна открыть все!»

— Два дня спустя послѣ этого разговора, она скончалась, какъ Ангелъ! и я, мой добрый баринъ, старалась сколько могла исполнить ея волю, ея предсмертное завѣщаніе.

— И вполнѣ исполнила, добрая старушка! воскликнулъ Алексѣй Николаевичъ; теперь моя очередь наградить тебя за это; ты возвращаешь мнѣ

моего сына, да и еще такимъ, какимъ только могъ бы я желать его увидѣть! Сегодня же возьму я васъ обоихъ съ собою. Мы поѣдемъ въ ближній городъ, тамъ я объявлю правительству, что отыскалъ моего роднаго сына, и мы станемъ жить неразлучно тамъ, гдѣ будетъ стоять полкъ, которымъ я командую; а потомъ, какъ милый Николенька нашъ подростетъ, буду стараться научить его всему, что долженъ знать каждый русскій дворянинъ, для того, чтобы могъ служить съ честію Царю и отечеству. Ты же, добрая старушка, будешь у меня въ домѣ жить какъ искренній другъ мой, и пусть Николенька всегда называетъ тебя своею бабушкою: ты столько для него сдѣлала, поддержавъ въ немъ всѣ хорошія качества, такъ что и самая родная бабушка не могла бы поступить лучше.

Такъ было положено, и часу въ седьмомъ вечера, Алексѣй Николаевичъ позвалъ священника, отслужилъ благодарственный молебенъ, велѣлъ собрать всѣхъ крестьянъ этой деревни, надѣлилъ ихъ щедрою рукою, простился со всѣми, предоставивъ старушкѣ и Николенькѣ сдѣлать то же; они всѣхъ обнимали со слезами и потомъ помѣстились съ своимъ благодѣтелемъ въ покойную дорожную кибитку; колокольчики загремѣли, тройка понеслась вдоль деревни, взвѣвая сугробы снѣга, и они скоро скры-

лись изъ виду плакавшихъ навзрыдъ товарищей Николеньки.

Не нужно кажется разсказывать, что этотъ умненькій мальчикъ сдѣлался со временемъ отличнымъ человѣкомъ, полезнымъ Царю и отечеству; по прежнему молился онъ Богу очень усердно, помогалъ ближнимъ какъ только могъ, за что Господь благословилъ его и онъ счастливо прожилъ вѣкъ свой, а старушка въ совершенной радости и спокойствіи душевномъ и тѣлесномъ дожила свои дни и тихо смежила на вѣкъ глаза, на рукахъ своего возлюбленнаго, нарѣченнаго внука.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НОВЫЙ ГОДЪ

Нѣкоторыя разсужденія 1
Первая встрѣча новаго года 7
Вторая встрѣча новаго года 16
Третья встрѣча новаго года 31
Четвертая встрѣча новаго года 42
Пятая встрѣча новаго года. 52
Масляница, или живыя картины у бабушки на дачѣ 81
Торжественная ночь, или на канунѣ праздника Рождества Христова 127

